

Развод в 40. Меняю шахматиста на тракториста

Ирина Наумова

Развод в 40. Меняю шахматиста на тракториста

Ирина Наумова

Развод в 40. Меняю шахматиста на тракториста.

<https://litres.ru/74320604>

Аннотация

— Подпиши здесь, Зоя. И здесь, — Владимир небрежно бросил ручку на стол. — Это заявление в ЗАГС о смене фамилии. — О чем ты? — я нахмурилась, глядя на бумаги. — Я Вильмор по отцу. Это моя фамилия. — Была твоей. Теперь это мой бренд. Моё имя на афишах по всему миру. А ты... ты просто хозяйка прачечной. Тебе фамилия Хрусталева пойдет гораздо больше. Она проще, ближе к народу. К твоему мылу и тряпкам. — Ты хочешь, чтобы я взяла твою старую фамилию? — Я хочу, чтобы бренд «Вильмор» принадлежал мне и моей будущей жене. А ты начни жизнь с чистого листа под фамилией Хрусталева. Помоему, это блестящая партия.

Он думал, что я сдамся. Что я отдам ему имя моего отца и уйду в тень.

Но он забыл одну вещь. Вильмores не сдаются. И если для того, чтобы сохранить достоинство, мне нужно уехать в глушь и отмыть самый грязный агрокомплекс в стране — я это сделаю.

А фамилию Хрусталева я ему еще верну. Вместе с его долгами и изменами.

В мой сороковой день рождения муж подарил мне развод и судебный иск, пытаясь отобрать даже моё имя. Он думал, что я сломаюсь.

Но у меня остался один козырь — старый контракт в глуши, где земля пахнет дизелем, а проблемы решаются не ходом коня, а силой рук. Там меня ждет человек, который ненавидит городских фиф и считает, что я не продержусь и недели.

Он назвал меня «Снегурочкой» и обдал грязью из-под колес своего гигантского трактора. Он еще не знает, что я умею отмывать даже самую черную безнадегу.

В этом романе вас ждут: ✓ Сильная героиня, которая начинает с нуля ✓ Очень плохой «бывший» (готовим тапки!) ✓ Суровый, но надежный герой, пахнущий настоящим мужчиной ✓ Противостояние характеров и искры, от которых вспыхнет сено ✓ Хэппи-энд, от которого поют сердца

Развод в 40 — это не конец партии. Это только начало.

Содержание

Глава1	5
Глава2(Владимир)	15
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	56
Глава 6(Владимир)	71
Глава 7	81
Глава 8(Мирослав)	96
Глава 9	107
Глава10	120
Глава11	132
Глава12(Мирослав)	142
Глава13	152
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Глава 1

Я люблю запах чистоты. Не тот фальшивый аромат «альпийских лугов», которым

брызгают в туалетах торговых центров, а настоящий, резкий запах

стерильности. Лимонный воск для дерева, едва уловимая нотка хлора и

свежевыстиранный лен. Это запахи моего успеха. Моей империи.

Я провела пальцем по глянцевой поверхности дубового стола. Ни пылинки. В

«Вильмор-Блеск» за такое увольняют без выходного пособия, а я —

генеральный директор, и сегодня мне сорок.

В зеркале в прихожей отразилась женщина, которую я едва узнавала. Идеальная

укладка «волосок к волоску», изумрудное платье от дорогого дизайнера,

подчеркивающее фигуру, над которой я потела в зале трижды в неделю. Сорок

лет — это рубеж. Я чувствовала себя как никогда сильной. На столе в гостиной стоял ужин на двоих: лосось на подушке из шпината и бутылка

белого вина, цена которой равнялась месячному окладу моей лучшей горничной.

Повернулся ключ в замке. Мое сердце, вопреки возрасту и статусу, сделало

предательский кувырок.

— Володя? — я вышла в холл, натянув на лицо свою лучшую улыбку.

Владимир вошел стремительно. Высокий, подтянутый, в безупречном темно-синем

костюме. На лацкане — серебряный значок гроссмейстера. Он пах «дорогим

мужчиной»: кожей, табаком и успехом. Тем самым успехом, который мы строили

вместе двадцать лет. Только он ставил маты на доске, а я

выгрызала контракты,

оплачивая его перелеты, отели и взносы за турниры.

— Поздравляю, Зоя, — он небрежно коснулся моей щеки губами. Холодно. Как

шахматной фигурой.

— Ты опоздал на два часа. Я думала, финал в Дубае затянулся.

— Финал закончился быстро. Я поставил мат на тридцать втором ходу, — он прошел в

гостиную, даже не снимая пиджака, и сел в кресло. — Садись, Зоя. Нам нужно

обсудить одну партию.

Я замерла. Этот тон. Тон «Гроссмейстера Вильмора», когда он анализирует

поражение противника. Но я не была его противником. Я была его женой.

— Володя, может, сначала ужин? Сегодня мой день рождения. Помнишь?

— Именно поэтому я здесь, — он достал из внутреннего кармана плотный конверт. Не

подарочный. Юридический. — Сорок лет — прекрасное время для оптимизации. Ты ведь

сама учила меня, что если актив перестал приносить прибыль и требует слишком

много затрат на обслуживание, его нужно списывать. Мир вокруг меня начал медленно терять краски. Я села на край дивана, чувствуя,

как шелк платья холодит кожу.

— Что это, Володя?

— Соглашение о расторжении брака, — он буднично поправил запонку. — Иск о

разделе имущества я уже подал. Я не хочу скандалов, Зоя. Ты умная

женщина. Ты понимаешь, что наш брак давно превратился в имитацию.

— Имитацию? — я почувствовала, как в горле встает ком. — Двадцать лет, Володя! Я

мыла чужие квартиры, пока ты сидел над учебниками Каспарова! Я строила

«Вильмор-Блеск», чтобы у тебя были лучшие тренеры! А теперь это

«имитация»?

— Ты делала это, потому что верила в мой гений. И не прогадала. Сейчас я —

бренд. Гроссмейстер Вильмор. Лицо мировых турниров. А ты... — он обвел

взглядом нашу безупречную гостиную. — Ты просто женщина, которая слишком

помешана на чистоте. Мне стало тесно в этом стерильном мире, Зоя. Мне нужен

воздух. Новая энергия.

— И эту энергию зовут Вера Мальцева? — я выплюнула это имя. Я видела её в его

соцсетях. Молодая, «летающая», его новый пресс-секретарь.

Владимир даже не поморщился.

— Вера — талантливый менеджер. И да, она дает мне то, чего не можешь дать ты.

Вдохновение. Но я пришел не обсуждать личную жизнь. Посмотри третью страницу.

Я дрожащими пальцами открыла папку. Глаза пробежали по строчкам, и я наткнулась

на пункт, который заставил меня забыть, как дышать.

— Требование о смене фамилии? — я вскинула голову.

— Ты хочешь, чтобы я сменила

фамилию? Владимир, я Вильмор по рождению! Это фамилия моего отца, моего деда!

Ты взял её сам, потому что твоя — Хрусталева — казалась тебе недостаточно

звучной для турниров в Лондоне!

Владимир подался вперед. Его глаза были как две ледяные лужи.

— Именно. Я сделал это имя великим. За двадцать лет «Вильмор» стал синонимом

шахматного триумфа. А что делаешь ты? Ты вешаешь это имя на ведра с хлоркой

и на спины уборщиц. Ты обесцениваешь мой бренд, Зоя.

— Твой бренд? Это моя жизнь!

— Мои адвокаты подготовили обоснование. Имя «Вильмор» теперь является частью

моей интеллектуальной собственности. Я требую, чтобы ты вернулась к истокам.

Ты вышла замуж за Хрусталева? Вот и становись Хрустальной. Это твоя

социальная ниша, Зоя. Простая, понятная, рабочая. Тебе пойдет.

Я смотрела на него и видела чужого человека. Того самого амбициозного парня из

общества, которого я когда-то полюбила. Только тогда у него были пустые

карманы и горящие глаза, а теперь — золотая клетка вместо сердца.

— Ты не можешь отобрать у меня имя, — прошептала я.

— Посмотри на счета компании, — Владимир встал. — Я наложил обеспечительные меры

в рамках раздела имущества. Все счета «Вильмор-Блеск» заблокированы до решения

суда. У тебя нет доступа к деньгам. Нет доступа к офису.
И если ты хочешь

получить хотя бы крохи при разделе — ты подпишешь отказ от фамилии.

Он направился к выходу, но у двери обернулся.
— Кстати, Никита остается со мной в пентхаусе. Я объяснил ему, что тебе нужно

«перезагрузиться». Побывать одной. Он согласен, что Хрусталева — это звучит...

честнее. С днем рождения, Зоя.
Дверь захлопнулась с негромким щелчком.
Я осталась одна в идеальной, стерильной гостиной. Пахло лимоном и моим полным,

абсолютным крахом. На столе стоял лосось, который уже успел остыть.

Я подошла к зеркалу. Изумрудное платье. Идеальная укладка. — Хрусталева? —

повторила я в пустоту.
В этот момент внутри меня что-то треснуло. Не как тонкий хрусталь, а как вековой

лед, под которым наконец-то проснулась настоящая, живая река.

Он думает, что заблокировал мои счета и отобрал моё имя. Он думает, что я — это

просто дополнение к его шахматной доске.

Я сорвала с шеи жемчужное ожерелье, и бусины с сухим стуком рассыпались по

идеальному паркету.

Ты хочешь партию, Гроссмейстер Вильмор? Ты её получишь. Но играть мы будем не на

твоей доске.

Я вспомнила про помятый контракт в ящике своего стола. Агрокомплекс в трехстах

километрах отсюда. Грязь, долги и непаханные поля. Единственное место, куда еще

не дотянулись руки его адвокатов.

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда я закончу свою уборку, — прошептала я,

снимая туфли на шпильках.

В сорок лет жизнь не заканчивается. В сорок лет из неё

просто выносят мусор. И я

начну прямо сейчас.

Глава2(Владимир)

(от лица Владимира)

Шахматы не терпят суеты. Шахматы — это геометрия души, где каждая линия

выверена, а каждое отступление — лишь часть сложного капкана. Я

передвинул тяжелого латунного коня на поле f3 и замер, прислушиваясь к

тишине своего нового кабинета. Здесь пахло свежей краской, кожей и амбициями. И

никакой хлорки. Наконец-то.

Двадцать лет я прожил в стерильном аквариуме. Зоя превратила наш дом в

операционную, где даже мои мысли казались мне недостаточно

продезинфицированными. Она была хорошим тылом, не спорю. Верная,

исполнительная, предсказуемая, как первый ход е2-е4. Но в какой-то момент

пешка, дошедшая до края доски, обязана превратиться в ферзя. Зоя же так и

осталась пешкой. Полезной, надежной, но деревянной.

А я — Владимир Вильмор. Человек, чье имя заставляет противников потеть еще до

первого рукопожатия.

Я подошел к панорамному окну. Город внизу напоминал рассыпанные по бархату

бриллианты. Где-то там, в одной из этих светящихся коробок, Зоя сейчас

наверняка собирала осколки своего идеального мира. Или плакала в подушку,

пахнущую кондиционером «Весенний луг».

— Володенька, ты опять работаешь? — Вера вошла в кабинет бесшумно.

Она была похожа на облако розового мохера и нежности. Двадцать три года — это

возраст, когда женщина еще не научилась требовать, но уже умеет восхищаться.

На ней был один из тех коротких халатиков, которые Зоя называла «непрактичным

мусором». Вера несла поднос, и на нем — о боги! — чашка кофе и тарелка с

какими-то круассанами.

— Захотелось тебя порадовать, — она улыбнулась, и на её щеках появились ямочки.

— Ты такой серьезный. Опять думаешь об этой... Хрустальной?

Я поморщился. Фамилия «Хрусталева» резала слух, как скрежет ржавого гвоздя по

стеклу. Моя старая фамилия. Та, от которой я избавился сразу после свадьбы,

как от заношенного, пахнущего дешевым столовым супом пиджака.

— Я думаю о делах, Верочка. Развод — это процедура. Неприятная, но необходимая,

как чистка зубов.

Я взял чашку. Кофе был едва теплым, а пенка подозрительно напоминала мыльные

пузыри. Зоя варила кофе так, что аромат заполнял всю квартиру, а температура

была идеальной до последнего глотка. Но я тут же отогнал эту мысль. За идеальный

кофе Зои я платил годами скуки и её вечными списками покупок на холодильнике.

— Ты ведь забереешь у неё имя? — Вера присела на подлокотник моего кресла, обдав

меня ароматом приторно-сладких духов. Мальцева любила пахнуть как кондитерская

лавка в базарный день. — Я хочу быть Верой Вильмор. Это звучит как музыка. А

она... ну какая она Вильмор? Она даже в театр ходит так, будто собирается там

полы помыть в антракте.

— Заберу, — я пригубил безвкусный напиток. — Имя

Вильмор — это инвестиция. Я

вложил в него свой интеллект, свою волю, свои победы.
То, что оно досталось

мне от её отца — историческая случайность. Ошибка, которую я исправил. Зое

будет лучше с фамилией Хрусталева. Она ей идет. В ней есть эта...

простонародная прочность.

Вера замурлыкала, перебирая пальцами мои волосы. Это должно было расслаблять, но

почему-то вызывало легкое раздражение. У Зои были холодные, сухие ладони, и она

никогда не лезла к волосам, когда я думал. Она просто ставила стакан ледяной

воды на стол и исчезала.

Мой телефон на столе завибрировал. Сообщение от адвоката: «Счета заблокированы.

Уведомление о разделе имущества вручено. Она отказа-

лась подписывать досудебное,

уехала в неизвестном направлении».

Я усмехнулся. Куда она может уехать? К подругам-бухгалтершам? В санаторий

«Зорька» лечить нервы? Зоя — существо привычки. Она покружит по городу,

поймет, что лимиты на картах обнулены, а её драгоценная фирма «Вильмор-Блеск»

теперь — лишь строка в списке делимого имущества, и приползет. Приползет и

подпишет всё. И отказ от фамилии, и отказ от пентхауса. — Пап? — дверь кабинета приоткрылась. Никита стоял на пороге, потирая заспанные

глаза. В девятнадцать лет он выглядел как уменьшенная, но более современная

копия меня. — Вы чего не спите?

— Обсуждаем твое будущее, сынок, — я жестом пригласил его войти. — Как тебе

новая квартира? Больше воздуха, чем в мамином склепе, верно?

Никита неопределенно пожал плечами. Он всё еще чувствовал себя неловко в

присутствии Веры, которая была старше его всего на четыре года.

— Да, круто. Вид отличный. Но мам звонила... Я не взял трубку. Она, наверное,

психует?

— Маме нужно время, Никита, — я включил тон «мудрого наставника». — У неё

кризис. Знаешь, сорок лет для женщины — это сложный период. Гормоны,

переоценка ценностей. Она начала видеть во мне врага просто потому, что я

продолжаю расти, а она застряла в своих графиках генеральных уборок. Мы должны

проявить терпение. Пусть поживет одна, успокоится. Пусть привыкнет к фамилии Хрусталева.

— Хрусталева? — Никита нахмурился. — Она что, ре-

ально сменит фамилию? Пап, это же твоя бывшая фамилия.
— Да, сменит, никуда не денется. И это будет справедливо,
— отрезал я. — Честность перед собой — это первый шаг к
выздоровлению. Она Хрусталева. По духу, по призванию. А
Вильмор — это мы с

тобой. Мы — элита.

Сын кивнул, хотя в его глазах промелькнула тень сомнения. Ничего, это пройдет.

Молодежь быстро привыкает к хорошему. Когда он увидит новый «Мерседес»,

который я обещал ему на окончание курса, вопросы о «бедной маме» отпадут

сами собой. В шахматах это называется «жертва качества ради темпа». Я

пожертвовал комфортом Зои ради будущего нашей мужской династии.

Когда Вера и Никита наконец разошлись по спальням, я снова остался один. Я

открыл ноутбук и зашел на сайт шахматной федерации. Мой рейтинг рос. Мои

фото были на главных страницах. «Владимир Вильмор — человек, вернувший

шахматам аристократизм».

Я не чувствовал вины. Чувство вины — это для слабых. Для тех, кто боится делать

сильные ходы. Зоя была отличным трамплином, но трамплин не берут с собой в

полет. Его оставляют позади, в пыли.

Вдруг мой взгляд упал на крошки от круассана на моем безупречном лакированном

столе. Вера накрошила. И даже не заметила. Раньше я бы просто щелкнул

пальцами, и через секунду Зоя смахнула бы это специальной салфеткой, не

прерывая моего монолога.

Я потянулся, чтобы смахнуть мусор сам, но рука замерла. Внутри кольнуло

странное, неприятное предчувствие. Словно я пропустил

ход противника.

Маленький, незначительный ход пешкой на другом конце доски.

Где она? Куда она могла поехать ночью, с заблокированными картами? Я вспомнил её

взгляд в прихожей. Там не было слез. Там было что-то другое. Холодное, острое,

как скальпель.

«Ничего, — успокоил я себя, закрывая ноутбук. — У неё нет ресурсов. У неё нет

связей. Все её связи — это мои связи. Все её деньги — это мои деньги. Она

вернется через три дня. Максимум — через неделю».

Я выключил свет. В темноте кабинета только фосфоресцирующие цифры шахматных

часов отсчитывали секунды моего нового времени.

Я не знал, что в этот самый момент Зоя, сжав руль своего старого кроссовера,

пересекает границу области. Я не знал, что её единствен-

ный «ресурс» — это

ярость и старая папка с договором, на который я даже не взглянул, когда

подписывал отчеты.

Я думал, что партия окончена. Я не понимал, что Зоя просто сменила доску. И на

этой новой доске фигуры пахнут не лаком и пудрой, а землей, потом и настоящей,

непричесанной жизнью.

Шахматист во мне ликовал, предвкушая легкую победу.

Я лег в постель, стараясь не задеть спящую Веру. От неё пахло ванилью и

молодостью. Но почему-то мне вдруг нестерпимо захотелось, чтобы

простыни были чуть более накрахмаленными. Совсем чуть-чуть.

«Привычка, — подумал я, закрывая глаза. — Это просто привычка. Пройдет».

Я не знал, что это не привычка. Это был первый симптом моего будущего мата.

Глава 3

Асфальт закончился внезапно, словно его отрезали гигантскими ножницами. Еще

десять километров назад мой «Лексус» уверенно шуршал по ровному покрытию,

но за поворотом с указателем «Минаев-Агро» мир превратился в вязкое, хлюпающее

нечто.

Дождь лупил по лобовому стеклу с такой силой, что дворники, работавшие на

пределе, едва успевали смахивать стену воды. Фары выхватывали из темноты

куски раскисшей обочины и глубокие колеи, заполненные мутной жижей. В городе

это называли «плохой погодой», здесь это называли «направлением».

— Давай, милый, еще немного, — прошептала я, вцепляясь в руль так, что костяшки

пальцев побелели.

Машины повело вправо. Я попыталась выровнять её, но колеса лишь беспомощно

взвизгнули, выбрасывая из-под арок фонтаны липкой грязи. Еще секунда — и

днище с глухим, чавкающим звуком село на брюхо. Мотор протестующе зарычал и

смолк.

В салоне воцарилась тишина, нарушаемая только дробью дождя по крыше. Я сидела,

глядя в пустоту, и чувствовала, как внутри закипает истерический смех. Сорок

лет. День рождения. Генеральный директор клининговой империи «Вильмор-Блеск»

сидит посреди черноземного ада в туфлях от Jimmy Choo и шелковом платье,

которое стоит как подержанная «Лада».

— Браво, Зоя, — сказала я вслух. — Это определенно

лучший гамбит в твоей жизни.

Я попробовала открыть дверь. Она поддалась с трудом, упершись в нанос грязи.

Высунув ногу, я тут же почувствовала, как тонкий каблук уходит в землю по

самую щиколотку. Холодная жижа мгновенно просочилась внутрь, обнимая ступню

склизким, ледяным воротником.

Я вылезла, едва не потеряв равновесие. Грязь была повсюду. Она пахла прелой

травой, навозом и какой-то первобытной силой, которой было глубоко плевать

на мои сертификаты качества и отзывы в соцсетях.

Вдруг темноту впереди разрезал ослепительный свет. Две огромные линзы фар

возникли из ниоткуда, и земля под моими ногами мелко задрожала. Звук

нарастал — тяжелый, рокочущий бас, от которого вибрировали легкие. Это не

была машина. Это было механическое чудовище, которое медленно выползло из

пелены дождя.

Огромные колеса, каждое выше моего роста, проворачивались с ленивой мощностью,

вминая грязь в кашу. Зеленый корпус трактора казался в этой темноте

скалой. Он остановился в нескольких метрах, обдав меня запахом нагретого

металла и дизельного выхлопа.

Дверь высокой кабины открылась. В проеме показался силуэт. Мужчина прыгнул вниз

— легко, несмотря на массивность, — и приземлился в грязь так, будто это был

ковер в президентском люксе.

Он подошел ближе, и я невольно сделала шаг назад, упираясь бедром в капот своей

машины. Высокий. Черт, он был по-настоящему огром-

ным. В свете фар я видела

только очертания: широкие плечи, обтянутые мокрой клетчатой рубашкой,

грубые рабочие штаны и тяжелые ботинки.

Он остановился, засунув руки в карманы, и окинул взглядом мой «Лексус», а потом

и меня саму.

— Приехали, значит, — голос у него был густой, с легкой хрипотцой, как будто он

долго молчал или курил махорку. — Снегурочка, ты адрес не перепутала? Тут

дискотеки три года как закрыты.

Я выпрямила спину, игнорируя тот факт, что моя левая туфля окончательно утонула

в жиже.

— Я Зоя Вильмор. Владелица компании-подрядчика. У меня назначена встреча с

руководством агрокомплекса.

Мужчина хмыкнул. Он подошел еще на шаг, и я почув-

ствовала его запах — не парфюм

из дьюти-фри, а смесь мужского пота, мазута и дождя.

— Вильмор? — он произнес мою фамилию так, будто пробоval на вкус что-то кисшее.

— Слышал. Те самые, что обещали отмыть мои элеваторы до состояния

операционной. Только я ждал бригаду мужиков с техникой, а не

городскую фифу на пузотерке.

— Эта «пузотерка» стоит больше, чем весь ваш автопарк,
— огрызнулась я, теряя

остатки терпения. — И я не «фифа», а руководитель процесса. Если вы здесь

работаете, то потрудитесь вытащить мою машину.

Мужчина склонил голову набок. Я видела блеск его глаз
— темных, насмешливых. На

его лице была короткая, жесткая борода, покрытая каплями воды.

— Работать я тут не потружусь, я тут живу, — спокойно

ответил он. — Минаев моя

фамилия. Мирослав.

Я осеклась. Мой должник. Человек, чьи счета я приехала проверять.

— Господин Минаев... — я попыталась придать голосу деловой тон. — Очень кстати.

Нам нужно обсудить задолженность и график работ. Но сначала — мой автомобиль.

— Автомобиль твой, Снегурочка, останется здесь до утра. А то и до понедельника,

если трактор не справится. Ты его на мосты посадила так, что только вертолетом

выдергивать.

— Это невозможно! У меня в багажнике оборудование и... личные вещи.

— Оборудование твое завтра агрономы из лужи вылавливать будут, если сейчас не

заберешь, — он шагнул к кабине трактора. — Лезь внутрь.

— Куда? — я посмотрела на высокую лестницу трактора.

— В кабину. Или хочешь тут стоять, пока тебя чернозем

не переварит? Тут земля

жадная, она городское мясо любит.

Он протянул мне руку. Огромная ладонь, покрытая мозолями и какими-то темными

пятнами — то ли мазут, то ли земля. Я посмотрела на свою чистую, с

безупречным маникюром кисть, потом на него.

— Я сама, — буркнула я и потянулась к поручню.

Каблук предательски скользнул. Я охнула, чувствуя, что лечу лицом прямо в жирную

грязь, но сильные пальцы железным обручем сомкнулись на моем предплечье. Одним

рывком он буквально вздернул меня вверх, лишая опоры под ногами. На секунду я

оказалась прижата к его груди — твердой, как кирпичная кладка.

— Не дергайся, — выдохнул он мне в макушку. — Сломаешься еще, потом греха не

оберешься.

Он посадил меня на ступеньку так легко, будто я весила не больше мешка

картошки. Я ввалилась в кабину, которая изнутри оказалась неожиданно

технологичной: мониторы, джойстики, мягкое кресло.

Мирослав запрыгнул следом, мгновенно заполнив собой всё пространство. В кабине

стало тесно и жарко.

— Садись на откидное, — бросил он, не глядя на меня.
— И держись крепче. Сейчас

будем твое корыто дергать.

Трактор взревел. Я вцепилась в поручень, наблюдая, как Мирослав ловко орудует

рычагами. Его руки двигались скупой и точной. В этом не было изящества

шахматиста, но была какая-то высшая целесообразность.

Трос натянулся. Мой бедный «Лексус» жалобно скрипнул, сопротивляясь, но против

многотонной махины у него не было шансов. Трактор вы-

дернул его из плена с

таким звуком, будто вытянул пробку из гигантской бутылки.

— Ну вот, — Мирослав вытер руки о ветошь. — Докатим до базы. Там у нас гостиница

для ИТР. Душ, чай... Если повезет, даже тараканы сегодня выходной взяли.

Я промолчала, глядя на свои испорченные туфли. Одна осталась там, в грязи. Я

была босой на одну ногу, мокрой, униженной и злой.

— Вы всегда такой любезный с деловыми партнерами? — спросила я, стараясь, чтобы

голос не дрожал.

Минаев повернул ко мне голову. Его взгляд прошелся по моему мокрому платью,

задерживаясь на вырезе чуть дольше, чем позволяли приличия.

— Я любезный с теми, кто делом занимается, Вильмор. А те, кто приезжает в поле

на шпильках... — он усмехнулся. — Те обычно уезжают

на первом же попутном

КАМАЗе.

— Я не уеду, пока вы не выплатите долг.

— Значит, задержишься надолго, — он переключил передачу, и трактор плавно

тронулся с места, увлекая мою машину на буксире. — У нас тут, знаешь ли,

не шахматы. Тут если ход неверный сделал — не фигуру теряешь, а урожай.

Он явно намекал на фамилию моего мужа. Значит, знал. Знал, кто я, и специально

издевался.

Я отвернулась к окну, глядя на бесконечные поля, залитые дождем. Где-то там, в

городе, Владимир сейчас пил вино с Верой, обсуждая мою «капитуляцию». Он

думал, что я приползу обратно через два дня.

Я посмотрела на профиль Мирослава — жесткий, вырубленный из гранита. Этот

человек не был похож на тех, кого можно обыграть изящным гамбитом. Его

можно было только взять измором.

— У вас в этой вашей гостинице замок на двери есть? — спросила я.

Минаев коротко рассмеялся — звук был похож на лай крупного пса. — Снегурочка,

тут у нас из воров только лисы, да и те воруют только кур. Кому ты тут нужна,

такая... чистенькая?

Он сказал это так просто, что я не знала — обидеться или почувствовать

облегчение.

Трактор въехал на территорию базы. Впереди замаячили тусклые огни фонарей и

длинные тени ангаров. Моя новая жизнь начиналась с запаха солярки и потери

любимой обуви.

— Приехали, — Мирослав заглушил мотор. — Выходи. Только смотри под ноги. Тут у

нас асфальт только в кабинете у бухгалтера, и тот воображаемый.

Я глубоко вздохнула, собирая остатки гордости в кулак.
— Спасибо за помощь,

Мирослав. Завтра в девять утра я буду в вашем офисе.
— Будешь — заходи, — он открыл дверь кабины, впуская
внутрь запах ночной

свежести. — Только туфли вторые не забудь. А то на одной ноге по

элеватору скакать неудобно будет.

Он спрыгнул первым и, не оглядываясь, пошагал в сторону жилого блока. Я осталась

сидеть в высокой кабине, глядя ему в спину.

Этот «тракторист» явно считал, что победил в первом раунде. Но он не учел

одного: я двадцать лет жила с человеком, который про- считывал ходы на

десять шагов вперед. И если я научилась выживать в его ледяном мире, то с

этим медведем я уж точно справлюсь.

Я сняла вторую туфлю и швырнула её на коврик трактора.

— Мат тебе, Минаев, —

прошептала я, выходя в холодную ночь босиком. — Ты просто еще об этом не

знаешь.

Глава 4

Холод прошил ступни мгновенно, едва я коснулась мокрого бетона площадки. Вторая

туфля, оставленная в кабине трактора, теперь казалась мне символом сожженного

моста. Я стояла босиком, чувствуя, как ледяная влага за-текает между пальцами,

и смотрела вслед широкой спине Мирослава. Он шел раз-машисто, даже не

обернувшись, чтобы проверить, не утонула ли его «Сне-гурочка» в первой

же луже.

— Галантность явно не входит в базовую комплектацию этого агрегата, — прошипела

я сквозь зубы, подхватывая подол изумрудного платья.

Шелк, пропитанный дождем, весил теперь пуд. Я ковыля-ла по неровному покрытию,

стараясь наступать на те участки, где бетон казался чище, хотя в этой темноте

всё имело один цвет — цвет безнадёги.

Здание, которое Мирослав гордо именовал «гостиницей для ИТР», оказалось

двухэтажным строением из серого кирпича, больше напоминающим казарму.

Над входом тускло мигала единственная лампочка, окруженная обезумевшими от

сырости мотыльками.

Минаев уже стоял у двери, гремя связкой ключей.

— Ты чего там застряла? — бросил он, не оборачиваясь.
— Ждешь, пока я ковриковую

дорожку расстелю? У нас моль съела последний бархат еще в девяностые.

— Я босая, если вы не заметили, — я догнала его, стараясь дышать ровно, несмотря

на то, что зубы уже начали выбивать дробь.

Он наконец повернулся. В свете мигающей лампы его лицо казалось высеченным из

скалы — глубокие тени под глазами, резкая складка у рта. Он опустил взгляд на

мои ноги. Белые, изящные ступни на фоне грязного бетона выглядели чем-то

инопланетным.

Мирослав на секунду замер. Его кадык дернулся.

— Дура ты, Вильмор, — глухо сказал он, и в этом не было злобы, скорее какое-то

странное, тяжелое сочувствие. — Городская, породистая дура.

Он толкнул дверь. Внутри пахло старым деревом, жареным луком и хлоркой — но не

той профессиональной, благородной, к которой я привыкла, а дешевой,

«советской», которая не чистит, а только разъедает слизистую.

В коридоре нас встретил местный цербер — невысокий старик в засаленном ватнике и

с лицом, исчерченным морщинами, как топографическая

карта.

— Степаныч, принимай пополнение, — Мирослав кивнул в мою сторону. — Дай ей пятый

номер. Тот, что с окном на элеватор.

Степаныч вылупился на меня так, будто я была привидением в вечернем платье. —

Так там же ж... Мирослав свет-Николаич, там замок заедает. И отопление еще не

продули.

— Ничего, — Минаев посмотрел на меня в упор. — Снегурочка у нас горячая, сама

воздух нагреет. Дай ключ и иди спать.

Старик поплелся к конторке, бормоча что-то про «городских, которым дома не

сидится». Через минуту в моей руке оказался тяжелый железный ключ с

алюминиевой биркой.

— Подъем в шесть, — Мирослав развернулся к выходу. — Столовая в соседнем блоке.

Если проспишь — останешься без завтрака, а я голодных инспекторов не жалую. Они

кусаются.

— Погодите! — я сделала шаг вслед за ним. — А моя машина? Мои вещи?

— Машину твою на стоянку отбуксировали. Завтра механики посмотрят, если не лень

будет. А вещи... — он снова окинул меня взглядом, задержавшись на промокшем

шелке, облепившем грудь. — Вещи подождут. Тут тебе твои кружева всё равно не

понадобятся. Разве что коровам показывать.

Он вышел, хлопнув дверью так, что штукатурка над входом жалобно посыпалась.

Я осталась одна в гулком коридоре под пристальным взглядом Степаныча. — Иди,

дочка, иди, — вздохнул старик. — Пятая дверь по левой стороне. Постельное в

тумбочке, если мыши не уволокли.

Я поднялась на второй этаж. Ступени скрипели под мои-

ми босыми ногами так, будто

здание протестовало против моего присутствия. Пятая дверь открылась с таким

скрежетом, что у меня свело зубы.

Комната. Четыре стены, выкрашенные в унылый цвет заветренной печенки. Железная

кровать с панцирной сеткой, застеленная байковым одеялом, тумбочка и

колченогий стул. Над кроватью висел календарь за позапрошлый год с

изображением рыжего котенка в корзинке. Котенок смотрел на меня с немым

вопросом: «Как ты сюда попала, бедолага?».

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Холод был везде. Он заползал под платье, кусал пальцы ног, забирался в самые

кости. Я подошла к окну. За стеклом, в пелене дождя, высились громады

элеваторов — огромные, безмолвные башни, которые мне предстояло «отмыть».

Забавно. Дома, в нашем пентхаусе, у меня была гардеробная размером с эту

комнату. Там на полках стояли сумки, каждая из которых стоила как годовой

бюджет этой деревни. Там Владимир сейчас, наверное, поправлял свои шелковые

галстуки, высчитывая, через сколько часов я сломаюсь.

Я открыла тумбочку. Постельное белье пахло сыростью и пылью. В углу

действительно виднелась маленькая дырочка — мышинный след.

— Ну уж нет, — прошептала я, чувствуя, как внутри сыпается та самая

«начальница клининга», которую невозможно победить отсутствием

комфорта.

Я достала из сумочки, которую чудом не выронила в тракторе, влажные салфетки. Те

самые, профессиональные, с антибактериальным эффектом. Мои единственные союзники

в этом тылу.

Следующие полчаса я, стоя на коленях в намокшем платье за три тысячи долларов,

методично протирала поверхности. Стол, стул, спинку кровати. Грязь на

салфетках была черной и маслянистой.

— Видел бы ты меня сейчас, Володя, — я усмехнулась, вытирая лоб тыльной стороной

руки. — Гроссмейстер Вильмор... Твой «бренд» сейчас занимается дезинфекцией

мышинной норы.

Закончив «генеральную уборку» крохотного пространства, я разделась. Платье,

превратившееся в холодную тряпку, я повесила на спинку стула. Остаться в

одном нижнем белье в этой ледяной комнате было сомни-

тельным удовольствием, но

выбора не было.

Я залезла под байковое одеяло. Панцирная сетка жалобно прогнулась, почти

коснувшись пола. Кровать пахла старой шерстью и одиночеством.

Я достала телефон. Экран светился в темноте, как единственный маяк. Ни одного

пропущенного от Никиты. Ни одного сообщения от мужа. Только уведомление от

банка: «Ваш счет временно заблокирован. Для уточнения информации обратитесь в отделение».

Я закрыла глаза. Перед ними всё еще стоял Мирослав. Его тяжелый взгляд, его

огромные руки на рычагах трактора. Он был таким... настоящим. Грубым,

неотесанным, как тот чернозем, в котором я утопила свою туфлю, но в нем не

было этой двойной игры, которой пропитался Владимир. Минаев не ставил матов. Он

просто шел напролом.

— Мы еще посмотрим, кто кого, Мирослав свет-Николаич, — пробормотала я,

сворачиваясь калачиком под колючим одеялом.

Сон пришел рывками. Мне снились шахматные фигуры, которые превращались в коров,

и Владимир, который пытался отмыть руки от мазута, но мазут становился черной

фамилией «Хрусталев», прилипающей к его коже навсегда.

Где-то далеко в ночи ревел трактор. Мирослав не спал. Он пахал. А я лежала в

пятом номере гостиницы для ИТР и впервые за двадцать лет чувствовала, что я

— это просто я. Без глянца, без Вильморов, без брони из дорогих вещей.

Просто Зоя. И у этой Зои завтра в девять утра была на-

значена война.

Я проснулась от того, что по крыше перестал барабанить дождь. В комнате было

по-прежнему серо и холодно. Часы на телефоне показывали пять тридцать.

Я села на кровати, чувствуя, как затекли мышцы. Платье на стуле не высохло, оно

стояло колом, пропитанное грязью и сыростью. Надевать его снова было физически

больно.

— Ладно, — я встала, шлепая босыми ногами по холодному полу. — Дебют окончен.

Начинается миттельшпиль.

Я подошла к умывальнику в углу. Из крана после долгого фыркания и плевков

потекла ржавая вода. Я умылась, чувствуя, как ледяные брызги окончательно

прогоняют остатки сна.

В зеркале над раковиной отразилась женщина с растрепанными волосами и горящими

глазами. На шее алел след — вчерашний рывок Мирослава, когда он затаскивал

меня в кабину.

Я достала из сумки запасную пару колготок (привычка бизнес-леди — всегда иметь

запаску) и косметичку. Минимальный макияж, собранные в тугий узел волосы. Я

выглядела как солдат перед боем.

В дверь постучали. Коротко, властно.

— Эй, Вильмор! — голос Мирослава за дверью заставил меня вздрогнуть. — Ты там не

примерзла к матрасу? Пять минут на выход, или пойдешь на элеватор пешком. А там

сегодня, предупреждаю, вязко.

Я схватила платье, натянула его, морщась от холода ткани, и распахнула дверь.

Мирослав стоял в коридоре. Сегодня на нем была сухая куртка и чистая кепка,

сдвинутая на затылок. В руках он держал... мои вещи.

Мой чемодан из

багажника и ту самую туфлю, которую я бросила в тракторе.

— Держи, потеряшка, — он протянул мне чемодан. —
Механики твоё корыто в бокс

загнали. Жить будет, но не скоро.

Я взяла чемодан, чувствуя его вес. — Спасибо. А туфля?

Он посмотрел на Jimmy Choo в своей огромной руке, как на диковинное насекомое. —

А туфлю оставь на память. Или гвоздь ей забей. Для дела она не годится. Я тебе

там у Степаныча «вездеходы» взял. Обувайся и спускайся.
Жду в машине.

Он развернулся и пошел вниз по лестнице.

Я открыла чемодан. Там, среди деловых костюмов и шелковых блузок, лежал мой

рабочий комбинезон «Вильмор-Блеск» — ярко-синий, с
вышитым логотипом. Я

всегда возила его с собой на инспекции, чтобы показывать
персоналу: я не

боюсь пачкать руки.

— Ну что, Гроссмейстер, — сказала я, глядя на синюю ткань. — Посмотрим, как ты

заиграешь, когда я выйду на поле в своей форме.

Через десять минут я вышла на крыльцо. На мне был синий комбинезон, стянутый на

талиии ремнем, и те самые «вездеходы» — огромные резиновые сапоги на три размера

больше, которые мне выдал Степаныч.

Мирослав стоял у своего внедорожника — мощного, забрызганного грязью «Патриота».

Увидев меня в рабочем комбинезоне и сапогах, он замер. Его взгляд медленно

прошелся от моих покрашенных губ до неуклюжих носов резиновых сапог.

Уголок его рта дернулся в подобии улыбки. — А ты кусачая, Вильмор. Ладно.

Поехали. Посмотрим, на что годится твоя «чистота» против нашего силоса.

Я запрыгнула на сиденье, чувствуя, как внутри закипает азарт. Это был запах

битвы. И этот запах мне нравился гораздо больше, чем запах лимона в пустом

пентхаусе.

Глава 5

В салоне «Патриота» пахло так, как, по мнению Владимира, пахнуть было не должно

ни в одном приличном месте: старой собачьей шерстью, махоркой и чем-то

неуловимо техническим, вроде солидола. Я сидела на переднем сиденье,

ощущая себя космонавтом, по ошибке заброшенным на борт пиратского судна. Мои

резиновые сапоги — те самые «вездеходы» — занимали всё пространство под ногами,

а чемодан на заднем сиденье жалобно подпрыгивал на каждой кочке.

Мирослав вел машину так же, как вчера управлял трактором: не объезжая ямы, а

заставляя их капитулировать перед подвеской.
— Ну и чего молчим, Вильмор? — он бросил на меня быстрый взгляд, в котором

промелькнуло что-то среднее между насмешкой и любопытством. —

Перевариваешь ночной сервис? Извини, меню подушек у нас сегодня не

завезли.

— Я думаю о деле, Мирослав, — ответила я, стараясь не хвататься за поручень при

каждом прыжке. — И о том, что ваш агрокомплекс больше напоминает декорации к

фильму про постапокалипсис, чем современное предприятие.

— Красота — это в городе, — он крутанул руль, и мы вылетели на открытую площадку

перед зернохранилищами. — А здесь — работа. Вон они, твои подопечные.

Наслаждайся.

Машина затормозила перед гигантскими цилиндрами элеваторов. Вблизи они казались

еще огромное, чем ночью. Старые, со следами ржавчины и вековой пыли, они

возвышались над нами как молчаливые титаны. Воздух здесь был густым, в

нем танцевали мириады частиц зерновой шелухи, от которой сразу захотелось

чихнуть.

Я вышла из машины. Сапоги смачно чмокнули, встретившись с грязным бетоном.

— Геннадий! — рывкнул Мирослав, и из тени весовой вынырнул невысокий коренастый

мужчина в замасленном комбинезоне. — Принимай комиссию. Из самого центра

приехали, будут нас культуре быта обучать.

Геннадий, судя по лицу — человек, видевший в этой жизни всё, включая падение

метеорита, смерил меня подозрительным взглядом.

— И это... вот эта будет элеватор принимать? — он почесал затылок, на котором

кепка держалась только честным словом. — Мирослав Николаич, так у нас там в

третьем блоке транспортер забило, а в сепараторной — пыли по колено. Она ж там

утонет.

— Не утонет, — Минаев подмигнул мне, и это выбесило меня больше, чем его

утренняя грубость. — Она у нас профессионал. Покажет вам, как правильно

тряпкой махать.

Я глубоко вздохнула. Спокойно, Зоя. Ты — генеральный директор. Ты начинала с

того, что отмывала унитазы в коммуналках, когда этот «медведь» еще, небось,

под стол пешком ходил.

— Геннадий, — я шагнула вперед, чувствуя, как хлопает воздух в огромных сапогах.

— Покажите мне сепараторную. И журнал регламентных работ по очистке.

Фокус сработал. Слово «журнал» подействовало на Геннадия как заклинание. Он

поперхнулся и вопросительно посмотрел на хозяина. Мирослав лишь пожал

плечами: — Веди, Генка. Пусть посмотрит.

Внутри элеватора было шумно и душно. Гул работающих механизмов давил на уши, а

запах... О, этот запах я не забуду никогда. Смесь старого зерна, машинного масла

и какой-то органической пыли, которая, казалось, проникла сквозь поры кожи

прямо в легкие.

— Вот, — Геннадий обвел рукой помещение, заставленное какими-то трубами и

желобами. — Тут у нас вчера зачистка была. Вроде чисто.

Я подошла к ближайшему агрегату. Слой пыли на нем был такой, что на нем можно

было писать мемуары. Я провела пальцем по металлической станине и

продемонстрировала Геннадию серый налет.

— Это вы называете «чисто»? — спросила я ледяным тоном. — Это взрывоопасная

пыль, Геннадий. Один статический разряд, и ваш элеватор превратится в

фейерверк, который увидят в Москве.

Мирослав, стоявший в дверном проеме, скрестив руки на груди, перестал улыбаться.

— Вы здесь полгода не убирали нормально, — я повернулась к нему. — Ваша

задолженность перед «Вильмор-Блеск» накопилась потому, что мои бригады

отказывались сюда ехать. И я их понимаю. Это не клининг, это авгиевы конюшни.

— Слышь, Снегурочка, — Минаев шагнул в мою сторону, и в его голосе прорезался

металл. — Ты мне тут лекции по ТБ не читай. У меня урожай идет, мне некогда

пылинки сдувать. Люди работают по восемнадцать часов

в сутки.

— Именно поэтому они должны работать в безопасности,
— я не отступила ни на шаг,

хотя он возвышался надо мной как скала. — Вы наняли профессионалов, чтобы мы

решили эту проблему. А теперь вы не платите по счетам и смеетесь над тем,

как я выгляжу.

Я подошла к нему вплотную. От него пахло кофе и свежестью утра, а от меня уже —

пылью его чертова элеватора.

— Значит так, Мирослав Николаевич. План такой. Сейчас я провожу полный аудит

всех помещений. Составляю дефектную ведомость. Завтра сюда приезжает моя

лучшая мобильная бригада — те, кому я доверяю. Мы вычищаем этот ад за

неделю.

— И почем нынче совесть у «Вильморов»? — прищурил-

ся он. — У меня нет лишних

миллионов на твои дезинфекции.

— По старой цене, указанной в договоре, — отрезала я.
— Плюс пени за просрочку.

Но я готова списать пени, если вы обеспечите моим людям нормальное жилье и

питание. И перестанете называть меня «Снегурочкой».

Мирослав молчал. Я видела, как ходят желваки на его скулах. Он явно не привык,

чтобы женщина диктовала ему условия на его же территории. Геннадий рядом

замер, боясь даже вздохнуть.

— Жилье — общага, — наконец буркнул Минаев. — Питание — в столовой, вместе с

механизаторами. Добавку дадут, если заслужите.

— Идет.

— И еще одно, — он придвинулся совсем близко, так что я почувствовала тепло его

тела. — Если через неделю я найду хоть одну пылинку

там, где она мне не мешает,

ты соберешь свои манатки и уедешь отсюда без единой копейки. И забудешь про свои

долги. Поняла, Хрусталева?

Я вздрогнула. Он специально использовал эту фамилию. Ударил в самое больное

место, как Владимир — расчетливо и холодно.

— Моя фамилия Вильмор, — я выделила каждое слово.

— И я никогда не проигрываю

партии. Даже если на доске только грязь и трактористы.

Мирослав усмехнулся — на этот раз как-то иначе. В его взгляде промелькнуло

нечто, похожее на уважение.

— Ладно. Генка, выдай ей респиратор и фонарь. Пусть резвится. А я в поле.

Вечером проверю, сколько ты там «нааудировала».

Он развернулся и вышел, оставив после себя шлейф уверенности и раздражения.

Весь оставшийся день превратился в бесконечный марафон по лестницам, переходам и

бункерам. Я карабкалась по железным ступеням, записывала данные в блокнот,

фотографировала завалы мусора и паутину в вентиляции. Ноги в огромных

сапогах гудели, спина ныла, а респиратор натирал переносицу.

К пяти часам вечера я была похожа на шахтера. Мой синий комбинезон стал серым,

лицо покрылось слоем мелкой пыли, а волосы, выбившиеся из узла, стояли колом.

Я вышла на свежий воздух и бессильно опустилась на какую-то бетонную плиту. Руки

дрожали. В этот момент мой телефон, лежавший в кармане, завибрировал.

Сердце екнуло. Никита? Или...

Экран высветил номер Владимира. Я помедлила секунду и нажала «ответить».

— Слушаю.

— Зоя? — голос мужа звучал так, будто он сидел не в пентхаусе, а на приеме у

английской королевы. — Я звоню сообщить, что Вера нашла твою заначку в

сейфе. Те триста тысяч, которые ты прятала «на черный день». Считай, что

они пошли в счет оплаты моих услуг по хранению твоих вещей.

Я закрыла глаза, чувствуя, как внутри закипает холодная, кристально чистая

ярость.

— Это были деньги на зарплаты сотрудникам, Володя.

— Теперь это деньги на новый имидж Вильмора, — он усмехнулся. — Как там в

деревне? Навоз уже под ногтями? Приезжай завтра, Зоя. Подпиши бумаги об

отказе от фамилии, и я, может быть, дам тебе немного денег на обратный билет.

Тебе не идет быть Вильмор в грязи, поверь мне.

— Знаешь, что, Володя... — я вытерла грязный лоб рукой, оставляя на нем темную

полосу. — Иди к черту. Со своим имиджем, со своей Верой и своими шахматами.

Я остаюсь здесь. И фамилию я тебе не отдам. Скорее я научу этих коров играть в

шахматы, чем позволю тебе стереть меня.

Я сбросила вызов прежде, чем он успел вставить хоть слово.

— Ну что, дочка, закончила? — ко мне подошел Степаныч, тот самый дед из

гостиницы. В руках он держал алюминиевую кружку, от которой шел пар. —

На вот, попей. Травки наши, полевые. Сил прибавят.

Я взяла кружку. Напиток был горьким и терпким, но тепло мгновенно разлилось по

телу.

— Спасибо, Степаныч.

— Видел я, как ты там лазила, — старик присел рядом. — Мирослав Николаич, он

мужик суровый, но справедливый. Он не со зла тебя «Снегурочкой» кличет.

Просто баб у нас таких... тонких, давно не было. Всё больше кони, да

трактора.

Я промолчала, глядя на закат, который окрашивал поля в невероятный медовый цвет.

Здесь, среди этого хаоса и тяжелого труда, слова Владимира казались какими-то

мелкими, бумажными.

Вдалеке показались огни «Патриота». Хозяин возвращался.

Я встала, поправила респиратор на шее и выпрямила спину. Пусть я в резиновых

сапогах на три размера больше. Пусть я пахну пылью и силосом.

Но я — Зоя Вильмор. И эта партия только начинается.

Мирослав затормозил рядом. Он вышел из машины, вытирая руки ветошью. Увидев меня

— замурзанную, усталую, но стоящую с гордо поднятой головой, — он остановился.

— Ну что, комиссия? — он подошел ближе, разглядывая

мой «боевой раскрас» из

пыли. — Живая?

— Живее, чем вам хотелось бы, — я протянула ему блокнот. — Здесь список того,

что нужно исправить до завтрашнего утра, если вы хотите, чтобы моя бригада

приступила к работе.

Он взял блокнот, мельком глянул в него и вдруг посмотрел мне прямо в глаза.

— У тебя нос в саже, Вильмор, — сказал он негромко.

И прежде чем я успела отпрянуть, он протянул руку и большим пальцем — грубым,

теплым — осторожно вытер пятно на моей щеке.

Мир вокруг замер. Звук элеватора ушел на задний план. Я чувствовала только его

близость и этот странный, обжигающий жест.

— Иди мойся, — он первым отвел взгляд и отвернулся.
— Ужин через двадцать минут.

Кто не успел, тот опоздал.

Он пошел к офису, а я осталась стоять, прижимая ладонь

к щеке, где только что

были его пальцы. Сердце почему-то забилося быстрее, чем после подъема на

десятый уровень элеватора.

— Ну уж нет, Минаев, — прошептала я. — Я успею. И добавку возьму.

Глава 6(Владимир)

(от лица Владимира)

Шахматы — это мир без запаха. В нем есть только холодный блеск лакированного

дерева и абстрактная логика движений. Именно поэтому я всегда любил игру: в

ней невозможно испачкаться. Но, кажется, реальность решила доказать мне

обратное.

Я стоял посреди своей новой кухни и смотрел на пятно от томатного соуса на

белоснежной столешнице. Пятно было вызывающе красным, бесформенным и...

липким.

— Вера! — позвал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.
— Верочка, тут небольшая

техническая погрешность.

Вера выпорхнула из спальни в облаке розовых перьев и

аромата жвачки. Она была

очаровательна в своей утренней небрежности, но когда она взглянула на пятно,

в её глазах не отразилось ни тени ужаса.

— Ой, Володь, это я вчера пасту заказывала, — она беспечно махнула рукой, даже

не подумав взять тряпку. — Ну, засохло немного. Придет уборщица и всё вытрет.

Кстати, ты не видел мою зарядку?

— Уборщица придет только в четверг, — напомнил я, чувствуя, как внутри начинает

пульсировать мелкая, раздражающая жилка. — Сегодня вторник. Ты предлагаешь мне

два дня любоваться на этот натюрморт?

— Господи, какой ты душный! — она звонко рассмеялась и чмокнула меня в нос. —

Зоя тебя совсем заиклила на этой чистоте. Расслабься, grossмейстер. Мы

живем, а не в музее дежури́м.

Она убежала обратно, оставив после себя запах ванили и легкое чувство

недоумения.

Раньше я никогда не задумывался, откуда берутся чистые стаканы и как исчезают

пятна. Это происходило само собой, как естественное вращение Земли вокруг

Солнца. Зоя была невидимым архитектором моего комфорта. Она была фоном —

серым, надежным, незаметным. А сейчас фон исчез, и я внезапно обнаружил, что

мир состоит из пыли, нестиранных носков и пустых коровок из-под пиццы.

Я сел за стол, отодвинув в сторону грязную чашку.

Звонок Зое вчера вечером должен был принести мне удовлетворение. Я хотел

услышать в её голосе слезы, просьбы о пощаде, осознание краха. Вместо

этого я услышал... металл. Она послала меня к черту. Причем сделала это с таким

достоинством, будто не она сейчас спит в каком-то хлеву на вонючем матрасе, а я

— проигравший.

«Иди к черту со своими шахматами», — её слова всё еще звенели у меня в ушах.

Она не понимает. Она просто не осознает масштаба катастрофы. Фамилия Вильмор —

это не просто буквы в паспорте. Это пропуск в мир, где подают омаров и

обсуждают стратегию в закрытых клубах. Лишившись её, она станет

Хрустальной. Женщиной из ниоткуда. Пустотой.

— Пап, а где мои кроссовки? Те, белые? — Никита зашел в кухню, на ходу втыкая в

уши наушники.

— Понятия не имею, Никита. Спроси у Веры.

— Вера говорит, что она их не трогала. Блин, мам бы сейчас за секунду нашла. У

неё всё по полочкам было... — он осекся, заметив мой взгляд. — Ну, в смысле,

это было удобно.

— Твоя мать сейчас занята саморазрушением, — отрезал я. — Ей нужно было доказать

мне, что она самостоятельная единица. Вот пусть и доказывает среди трактористов.

Ты ведь не собираешься звонить ей и подрывать мой авторитет?

Никита отвел глаза. — Да нет, пап. Просто... в квартире как-то странно. Будто мы

тут в походе.

В походе. Точное определение. Пентхаус за сорок миллионов превратился в элитную

палатку, где никто не знает, как работает стиральная машина.

Телефон на столе ожил. «Мама» — высветилось на экране. Я вздохнул. Антонина

Ивановна была единственным человеком, перед которым

мой шахматный гений

пасовал.

— Да, мама.

— Володенька, я только что видела в газете анонс твоего турнира в Вене, — голос

матери вибрировал от напряжения. — И там написано «Гроссмейстер Вильмор». Но

мне звонила Элеонора Петровна и сказала, что Зоя уехала в какую-то деревню

под девичьей фамилией. Володя, объясни мне, почему эта женщина позорит нас?

Если она Хрусталева, пусть будет Хрустальной, но почему ты до сих пор Вильмор,

если вы разводитесь?

— Мама, мы это обсуждали. Вильмор — мой псевдоним. Бренд.

— Имя — это корни, Володя! — Антонина Ивановна не унималась. — Если она заберет

фамилию, она заберет твой статус. Ты должен заставить

её отказаться от прав на

имя официально. Иначе в приличном обществе скажут, что ты — всего лишь примак,

который пользуется чужой славой. Ты понимаешь, что она может подать в суд?

Я почувствовал, как к горлу подкатывает глухая злоба. Зоя. Даже оттуда, из

своего навозного рая, она умудряется портить мне кровь через мою же мать.

— Она ничего не заберет, мама. Я всё просчитал. Она сломаётся через неделю. Там

нет горячей воды, нет сервиса, нет... меня. Она вернется и подпишет любую

бумагу за возможность принять нормальную ванну.

— Надеюсь, ты прав, — холодно ответила мать. — Иначе этот твой «гамбит»

закончится позором на всю Европу.

Я положил трубку. Позор? Исключено. В шахматах есть такое понятие — цугцванг.

Это положение, при котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции.

Сейчас Зоя именно в этой ситуации. Она может злиться, может работать на

износ, может даже научиться водить трактор, но юридически и финансово она —

в тупике.

Я открыл мессенджер. Фото Веры в новом белье, которое она купила на деньги со

счета Зои. Она выглядела потрясающе. Но почему-то взгляд зацепился не за

кружева, а за разбросанную одежду на заднем плане.

Зоя всегда убирала вещи сразу. В нашей жизни не было визуального шума. Была

только чистота, в которой мои мысли кристаллизовались в победные стратегии.

А теперь... теперь у меня была муза, которая не знала, где находится пылесос, и

пятно от соуса, которое, кажется, начало издевательски

подмигивать мне со

столешницы.

— Ничего, — прошептал я себе под нос. — Это временные издержки. Пешка должна

быть принесена в жертву, чтобы партия была выиграна.

Я снова посмотрел на фото Зои, которое сохранил в папке для адвокатов. Она была

там в своем синем рабочем комбинезоне — фото пятилетней давности с какого-то

объекта. Суровая, собранная.

В груди кольнуло что-то странное. Сожаление? Нет. Скорее досада. Словно я купил

новый, дорогой набор шахмат, но внезапно обнаружил, что старые фигурки лежали в

руке гораздо удобнее.

— Володя, я готова! Едем завтракать? — Вера вошла в кухню, сияя улыбкой. На ней

было платье, которое Зоя назвала бы «чересчур».

— Едем, — я встал, стараясь не смотреть на пятно. —

Завтрак в городе — это

хорошая идея.

Я выходил из квартиры, чувствуя себя победителем. Но где-то на периферии

сознания мелькнула мысль: а что, если Зоя в своей деревне сейчас тоже

завтракает? И что, если ей... вкусно?

Я отогнал эту нелепую догадку. Без меня у Зои Вильмор не могло быть ничего

вкусного. Только черствый хлеб её собственного упрямства.

Партия продолжалась. Мой ход. И этот ход будет решающим.

Глава 7

Мои сорок лет напомнили о себе на следующее утро. Каждая мышца, о существовании

которой я благополучно забыла за годы управления офисом, решила заявить о своих

правах громким, ноющим протестом. Спина будто превратилась в лист сухого

картона, который вот-вот треснет, а ладони, несмотря на перчатки, горели

от непривычного трения.

Я сидела на краю своей панцирной сетки, глядя на резиновые сапоги Степаныча.

Вчера они казались мне спасением, сегодня — инструментом пыток.

— Поднимайся, Вильмор, — прошептала я себе под нос, растирая затекшую шею. — У

тебя сегодня «десант».

Моя мобильная бригада прибыла в восемь утра. Старень-

кий белый микроавтобус с

гордой надписью «Вильмор-Блеск» на борту выглядел на фоне огромных ангаров

как игрушечная машинка, потерянная ребенком в песочнице.

Из машины вышла Валя — мой самый преданный бригадир, женщина пятидесяти лет с

железными нервами и взглядом, способным заставить плесень самоуничтожиться от

страха. Следом за ней высыпали еще трое девчонок. Все они были в синих

комбинезонах, с сумками, набитыми профессиональной химией.

— Мать честная, Зоя Николаевна... — Валя прикрыла рот рукой, оглядывая громаду

элеватора. — Мы точно клининговая компания, а не бригада по ликвидации

последствий ядерного взрыва? Тут же грязи больше, чем смысла в моих бывших

мужьях.

— Здесь не просто грязь, Валя. Здесь наши деньги и наше право называться

Вильморами, — я обняла её, чувствуя знакомый запах лимонного очистителя.

— Счета в городе заблокированы. Если мы не вычистим это место и не получим

оплату от Минаева наличными или через филиал, нам нечем будет платить

аренду базы.

Валя мгновенно подобралась. Тема денег была для неё святой.

— Поняла. Девчонки, разгружаемся! Пылесосы на позицию, концентраты не жалеть.

Будем делать из этого сарая Версаль.

Я повела их к элеватору, чувствуя за спиной мощную поддержку. Но стоило нам

подойти к весовой, как путь преградил Мирослав. Сегодня он был в темной

футболке, которая обтягивала его плечи так, что казалось — ткань вот-вот

лопнет. На поясе висела рация, а в руке он держал какой-то чертеж.

— Куда это мы строим? — он окинул взглядом моих девчонок. Те, надо признать,

синхронно вздохнули. Минаев в утреннем свете выглядел как рекламный плакат

«Сила земли», только без фотошопа.

— На объект, Мирослав Николаевич, — я поправила ре-спиратор на плече. — Согласно

утвержденному вчера графику. Прошу не мешать рабочему процессу.

— Мешать? — он усмехнулся, и в уголках его глаз собрались мелкие морщинки. — Да

я только «за». Посмотреть хочу, как вы своими пшикалками будете вековую пыль

гонять. Степаныч! Выдай дамам ключи от сепараторной. И смотри, чтоб они там

ничего не перепутали.

Мы зашли внутрь. Битва началась.

Весь день прошел в грохоте пылесосов и свисте парогенераторов. Мы работали как

слаженный механизм. Валя командовала «верхним эшелоном», девчонки оттирали

стены, а я взяла на себя самое сложное — внутренние желоба транспортеров.

К обеду я была мокрая насквозь. Внутри комбинезона образовался собственный

микроклимат, а пыль, смешанная с водой, превратилась в липкую маску на

лице.

— Всё, шабаш! — крикнула Валя, отключая аппарат. — Зоя Николаевна, идем в

столовую. Если я сейчас не поем чего-нибудь горячего, я начну грызть этот

ваш сепаратор.

Столовая агрокомплекса встретила нас ароматом, от ко-

того у меня предательски

заурчало в животе: наваристые щи, жареное мясо и свежий хлеб. Это был не

«бизнес-ланч» из трех кусочков рукколы. Это была еда для людей, которые

тратят калории быстрее, чем зарабатывают деньги.

Мы зашли шумной синей толпой. Рабочие в замасленных спецовках притихли,

разглядывая нас. Я чувствовала себя экзотическим животным, зашедшим на

водопой к львам.

Мирослав сидел в дальнем углу за широким дубовым столом. Рядом с ним — Геннадий

и еще пара агрономов. Он неторопливо ел, что-то обсуждая, но стоило мне подойти

к раздаче, как его взгляд впился в мою спину.

Я взяла поднос. Тяжелый, алюминиевый. — Нам пять порций борща и пюре с

котлетами, — сказала я полной женщине в белоснежном колпаке.

— Ох, милая, — женщина посмотрела на мой чумазый вид. — Из города, что ль?

Вильморова бригада?

— Она самая, — улыбнулась я.

— Ну, ешьте на здоровье. Мирослав Николаич велел вам двойную порцию мяса класть.

Мол, работницы нынче хрупкие пошли, могут и сломаться.

Я взяла тарелку и направилась к свободному столу, но путь мне преградил

Геннадий. — Зоя Николаевна, — он чуть сдвинул кепку. — Николаич зовет.

За наш стол садитесь. Потолкуем о зачистке третьего блока.

Валя подтолкнула меня локтем: «Иди, начальство, мы тут сами».

Я села напротив Мирослава. На фоне его чистой футболки я чувствовала себя пятном

на скатерти.

— Ну как успехи, Вильмор? — он отодвинул пустую тарелку и отхлебнул из большой

кружки компот. — Стены уже блестят? Комары не скользят?

— Пыли стало на семьдесят процентов меньше, — я принялась за борщ. Боже, какой

он был вкусный. Настоящий, с чесноком и наваристым говяжьим бульоном. Я забыла

про диеты, про манеры и про Владимира Вильмора. — Завтра закончим с вентиляцией.

— Шустрая ты, — Мирослав наблюдал, как я ем. В его взгляде не было издевки,

скорее — странное, тяжелое внимание. — Я думал, ты в первый же час упадешь

в обморок от запаха мазута.

— Вы плохо знаете женщин, Мирослав Николаевич. Мы можем вынести гораздо больше,

чем вы думаете. Особенно когда нас пытаются лишить дома и имени.

Он нахмурился. — Твой этот... гроссмейстер. Слышал я

новости утром. По радио

передали: «Владимир Вильмор готовится к решающей партии в Австрии». А его

жена, значит, тут щи хлебает в резиновых сапогах?

— Его жена сейчас стоит в очереди на развод, — я отложила ложку. Аппетит

внезапно пропал. — А я — просто Зоя. И я здесь не ради щей, а ради дела.

Мирослав долго молчал, крутя в руках пустую кружку. — Дело — это хорошо, — вдруг

сказал он. — Только не перегори. Тут у нас земля жесткая, она тех, кто на износ

работает, быстро в чернозем превращает. Пошли. Покажу кое-что.

— У меня еще полчаса перерыва.

— Пошли, — он встал, и я невольно последовала за ним.

Мы вышли из столовой, но направились не к элеватору, а в сторону старой части

базы, где за густыми зарослями сирени пряталось небольшое здание из красного

кирпича. Оно выглядело как осколок другого века — высокие окна, остатки лепнины

под крышей.

— Что это? — спросила я, стараясь не отставать.

— Моя слабость, — Мирослав достал ключ и открыл тяжелую дубовую дверь.

Внутри было прохладно и пахло... бумагой. Старой, сухой бумагой. Вдоль стен

тянулись полки, заставленные книгами. Это была библиотека. Настоящая,

огромная библиотека посреди агрокомплекса.

— Откуда это здесь? — я замерла, оглядывая корешки книг. Тут были и атласы по

ботанике, и классика, и какие-то старинные фолианты в кожаных переплетах.

— Собираю, — Мирослав подошел к окну и провел рукой по подоконнику. — Это здание

было частью усадьбы Вильморов. Твоих предков, Зоя. Я вздрогнула. — Что?

— Твой отец ведь отсюда родом? Иван Вильмор?

— Да... он уехал в город совсем молодым. Никогда не рассказывал о доме. Говорил,

что всё сгорело.

— Почти всё, — Мирослав повернулся ко мне. — Усадьбу растащили в революцию,

потом тут был склад, потом правление колхоза. А я, когда выкупил эти земли,

решил сохранить хотя бы библиотеку. Тут есть книги с экслибрисом «V.V.».

Вильмор-Валевские.

Я подошла ближе и взяла с полки тонкий том. На первой странице стоял штамп:

переплетенные буквы V и V.

— Владимир думает, что эти буквы принадлежат ему, — прошептала я, чувствуя, как

к горлу подступает ком. — «V.V.» — Владимир Вильмор. Он сделал это своим

логотипом.

— Твой муж — вор, — просто сказал Мирослав. — Он

украл не только твое настоящее,

но и прошлое. Эти земли, эти книги... это твоя кровь. А он просто нацепил

красивую обертку.

Я посмотрела на Мирослава. Сейчас, в полумраке библиотеки, он не казался грубым

трактористом. В его глазах была какая-то вековая мудрость и... боль.

— Почему вы мне это показываете?

— Чтобы ты знала, за что воюешь, — он шагнул ко мне. В тесном пространстве между

книжными полками его близость ощущалась почти физически. — Ты не «Снегурочка» и

не «Хрусталева». Ты здесь дома, Зоя. А дома нужно стоять до конца.

Он протянул руку и коснулся пряди моих волос, выбившейся из-под косы. Его пальцы

были жесткими, но касание оказалось неожиданно нежным.

— У тебя пыль на ресницах, — прошептал он. — Иди

работай, Вильмор. А вечером...

вечером я покажу тебе саму усадьбу. То, что от неё осталось.

Я вышла из библиотеки с пылающими щеками и странным трепетом в груди. Мир,

который еще утром казался мне враждебным и грязным, вдруг обрел смысл.

Я не просто отмывала элеватор. Я вычищала свое наследство.

— Валя! — крикнула я, вбегая в сепараторную. — Химию не жалеть! Мы должны

закончить этот блок до заката.

Девчонки удивленно переглянулись, но спорить не стали. Мой азарт передался им.

Мы работали так, что пар стоял столбом.

К вечеру, когда солнце начало садиться за горизонт, окрашивая поля в

кроваво-красный, сепараторная сияла. Металл блестел, на полу не

осталось ни единого зернышка, а воздух стал прозрачным.

Я стояла у входа, вытирая пот со лба, когда услышала звук знакомого мотора.

«Патриот» затормозил у ворот.

Мирослав вышел из машины, подошел к дверям и остановился. Он долго молчал,

оглядывая помещение. Потом провел пальцем по пульту управления — тому

самому, где еще утром лежали горы пыли. Палец остался чистым.

— Ну что, Николаич? — Валя, подбоченься, вышла вперед. — Принимай работу. Комары

не скользят?

Мирослав посмотрел на меня. В его взгляде было что-то такое, от чего у меня по

спине пробежали мурашки. Это не была просто оценка работы. Это было признание.

— Не скользят, — коротко бросил он. — Степаныч! Выпиши девчатам премию за

переработку. И распорядись, чтоб баню истопили. Городским гостям нужно

смыть наш чернозем.

Он подошел ко мне вплотную и тихо, так чтобы слышала только я, добавил: — Через

час у библиотеки. Не опаздывай.

Я кивнула, чувствуя, как сердце делает сумасшедший кульбит.

Развод в сорок — это больно. Но иногда, чтобы найти настоящую себя, нужно

сначала потерять всё и оказаться по колено в грязи. Потому что именно в

грязи, как оказалось, зарыты самые важные сокровища.

И моя фамилия Вильмор только что обрела совсем другой вес. Вес земли, истории и...

мужского взгляда, от которого хотелось не просто чистоты, а жизни.

Мат тебе, Владимир. Ты даже не представляешь, на чем поле ты решил сыграть свою

партию.

Глава 8(Мирослав)

(от лица Мирослава)

Мазут под ногтями — это честно. Это тебе не грифель карандаша и не лак на

шахматных фигурках. Земля не прощает вранья: если ты ленив, она ответит

сорняком, если слаб — затянет в колею. Я вытер руки ветошью, глядя, как солнце

медленно тонет в полях, превращая горизонт в полосу раскаленного золота.

Весь день я ловил себя на том, что прислушиваюсь к гулу пылесосов в

сепараторной. Это было странно. Обычно этот звук означал лишь лишние

расходы и суету, но сегодня... сегодня он означал присутствие Снегурочки.

Зоя Вильмор. Тонкая, как стебель озимой пшеницы, и такая же живучая. Я видел,

как она выходила из элеватора — запыленная, с серыми кругами под глазами, но

с такой осанкой, будто под комбинезоном у неё не взмогшая майка, а корсет

французской королевы.

— Николаич, ты чего завис? — Степаныч подошел незаметно, попыхивая своей вечной

самокруткой. — Гляди, как бабы-то расстарались. Блестит всё. Я такого порядка

со времен Олимпиады-80 не припомню.

— Вижу, Степаныч. Вижу.

— Кусачая она, — старик усмехнулся, выпуская дым. — Но правильная. Глаза-то у

неё... как у человека, который в колодец упал и свет ищет. Ты бы поаккуратнее

с ней. Не из нашего она теста.

— Тесто у всех одно, Степаныч. Печи разные, — бросил я, запрыгивая в «Патриот».

Я назначил ей встречу у библиотеки не из-за желания поболтать. Просто я терпеть

не могу воров. И этот её «гроссмейстер», укравший фамилию Вильмор, вызывал у

меня зуд в кулаках. В наших краях фамилия Вильмор-Валевских значила больше,

чем просто запись в архиве. Это была история о людях, которые строили этот

край, когда здесь еще волки были. А теперь какой-то городской хлыщ в

шелковых носках решил, что это его «бренд».

Я приехал к библиотеке на десять минут раньше. Тишина старого парка, заросшего

сиренью и шиповником, всегда меня успокаивала. Здесь время замирало.

Она пришла ровно в семь. Зоя переоделась. Вместо рабочего комбинезона на ней

были простые джинсы и белая рубашка с закатанными рукавами. Волосы она

распустила, и они тяжелыми медовыми волнами падали

на плечи. Боже, она

выглядела так, будто сошла с обложки журнала, который случайно занесло

ветром в наш гараж. Только вот взгляд... Взгляд был не журнальный. В нем

была усталость и та самая «колючесть», за которую мне хотелось её задеть.

— Не опоздала, — я кивнул, открывая дверь библиотеки.

— Я ценю ваше время, Мирослав, — она зашла внутрь, и аромат её парфюма — тонкий,

лимонный — мгновенно вытеснил запах пыльных книг. — И свое тоже.

Мы прошли к дальнему стеллажу. Я достал тот самый атлас, который нашел в прошлом

году в подвале разрушенной усадьбы. Тяжелый фолиант, обтянутый потертой кожей.

— Гляди сюда, — я положил книгу на стол под лампу. — Экслибрис. V.V.

Вильмор-Валевские. Твой дед, Иван, был последним, кто здесь жил до

того, как усадьбу превратили в склад селитры.

Зоя коснулась страницы кончиками пальцев. Я заметил, как они дрожат. — Он

никогда не говорил... — прошептала она. — Только твердил, что Вильмор —

это «воля к морю». Но мы ведь далеко от моря.

— Это воля к жизни, Зоя. Твой дед уехал в город, чтобы выжить. А фамилию

сохранил как оберег. А твой муж...

— Владимир считает, что он — наследник идеи, — она горько усмехнулась. — Что он

облагородил эту фамилию своим интеллектом. Знаете, он ведь даже в шахматной

федерации зарегистрирован как Вильмор. Теперь он судится со мной, чтобы я

стала Хрустальной. Хочет, чтобы я вернула «товар», который ему больше не

принадлежит.

Я посмотрел на неё в упор. В желтом свете лампы её лицо казалось прозрачным. — И

ты отдашь?

— Нет, — она вскинула подбородок. — Теперь — точно нет.

— Хорошо. Тогда идем. Покажу, что он на самом деле пытается украсть.

Мы вышли из библиотеки и пошли по тропинке, ведущей к реке. Вечерний воздух был

густым и пах медом. Высокая трава задевала её джинсы, и Зоя шла осторожно,

стараясь не споткнуться.

— Тут осторожнее, корни старые, — я придержал её за локоть. Кожа под моими

пальцами была горячее. Зоя вздрогнула, но руку не убрала. Мы стояли совсем

рядом, и я чувствовал, как от неё пахнет солнцем и... надеждой. Странное сочетание

для женщины в разводе.

— Вот она, — я указал вперед.

Среди одичавших яблонь высились руины усадьбы. Белые колонны, облупившиеся и

поросшие лишайником, всё еще упрямо держали небо. Крыши не было, и внутри

дома уже росли молодые березки, но фасад сохранил прежнее величие. На

фронте, едва различимый под слоями времени, красовался тот же вензель

— V.V.

Зоя замерла. Она прижала ладони к губам, глядя на этот скелет своего прошлого. —

Боже... — выдохнула она. — Это... это всё было наше?

— Это было их, — поправил я. — А теперь это просто камни. Но камни с памятью.

Твой муж хочет владеть буквами, Зоя. Но он никогда не поймет, что такое эта

земля. Он боится грязи. А Вильмори её не боялись. Они её пахали.

Она сделала шаг к колонне, прикоснулась к холодному

камню. — Он называет меня

«Хрустальной», чтобы унижить. Чтобы я чувствовала себя... дешевой подделкой.

Я подошел к ней сзади. Близко. Так, что видел, как дрожат её плечи. — Знаешь, в

чем твоя проблема, Вильмор? — спросил я тихо. — Ты слишком долго смотрела на

мир его глазами. Через его шахматную сетку. А мир — он не черно-белый. Он вот

такой. — Я обвел рукой руины и засыпающее поле. — Неровный, заросший, иногда

уродливый, но настоящий.

Зоя обернулась. Мы оказались в сантиметрах друг от друга. Её глаза, огромные и

темные в сумерках, искали в моем лице ответ на какой-то важный вопрос.

— А вы, Мирослав? — прошептала она. — Почему вы здесь? С этими книгами, с этой

усадьбой? Вы ведь тоже не просто «тракторист».

Я усмехнулся, чувствуя, как внутри ворочается что-то старое, давно запертое на

замок. — Я? Я просто человек, который любит собирать обломки. Иногда из них

получается что-то крепкое.

Я хотел сказать что-то еще — резкое, чтобы вернуть нас обоих на землю, но Зоя

вдруг сделала то, чего я никак не ожидал. Она протянула руку и коснулась моей

щеки. Легко, едва ощутимо, как касание крыла бабочки. — Спасибо, — сказала она. — За то, что вернули мне имя. По-настоящему.

В этот момент я понял две вещи. Первая: я пропал. Вторая: завтра Владимир

Вильмор станет моим личным врагом. Не потому, что он гроссмейстер, а

потому, что он был настолько слеп, что не оценил это сокровище, когда оно

было его.

— Пошли, Снегурочка, — я перехватил её руку и осторожно убрал от своего лица. —

Холодает. А тебе завтра еще элеватор принимать.

— Я приму его, Мирослав. И блеснуть он будет так, что вы ослепнете.

— Посмотрим, — я открыл дверь машины. — Посмотрим, кто из нас первым зажмурится.

Мы ехали обратно в тишине. Но это не была тишина вчерашнего дня — враждебная и

колючая. Это была тишина двух людей, которые только что нашли на доске новую

фигуру. И эта фигура была способна изменить ход всей партии.

Я высадил её у гостиницы. — Доброй ночи, Зоя.

— Доброй ночи... Мирослав.

Она ушла, а я еще долго сидел в машине, глядя на свет в её окне. Шахматы — это

игра ума. А жизнь в поле — это игра сердца. И я, кажется, только что сделал

свой первый ход.

Мат тебе, Вильмор. Ты думал, что убрал её с доски? Нет.

Ты просто вывел её в

ферзи на чужом поле. И теперь берегись. Потому что трактористы не сдаются.

Они просто дожидаются осени, чтобы собрать урожай. И мой урожай обещает быть

очень интересным.

Глава 9

Панцирная сетка моей кровати за ночь успела изучить анатомию моего тела во всех

подробностях, ответив на гостеприимство парой новых синяков на ребрах. Я

открыла глаза, глядя на пятнистый потолок пятого номера. Котенок на

календаре всё так же вопрошал из своей корзинки: «Ну что, городская, еще

не сбежала?».

— Хрен тебе, — прохрипела я, садясь на кровати.

Голос после вчерашней пыли в элеваторе звучал так, будто я всю ночь пела шансон

в прокуренном кабаке. На стуле сиротливо стояла моя единственная уцелевшая

туфля Jimmy Choo. Вторая, как я помнила, осталась в кабине «Джона Дира» —

Мирослав обещал, что она пригодится забивать гвозди.

Вчерашний вечер в библиотеке и у руин усадьбы казался сном. Короткое касание его

пальцев к моей щеке до сих пор отдавалось странным покалыванием под кожей. Я

встряхнула головой, прогоняя наваждение. Влюбиться в тракториста в сорок

лет, будучи по уши в бракоразводном процессе — это не сюжет для романа, это

диагноз.

Я натянула свой синий рабочий комбинезон, который за вчерашний день приобрел

характерный запах «сельского индустриала».

В коридоре меня встретил Степаныч. Он сосредоточенно поливал из консервной банки

дохлую герань на подоконнике.

— Живая, Вильмор? — хмыкнул старик, не оборачиваясь. — Николаич уже два часа как

в поле. Велел передать, чтоб ты в столовую зашла. Люська

там тебе «тормозок»

собрала.

— Кто такая Люська? — спросила я, застегивая манжеты.

— Повариха наша. Главная по калориям. Женщина мону-
ментальная, ты с ней не спорь,

— Степаныч наконец повернулся. — Ты, дочка, вчерась
хорошо в сепараторной дала.

Мужики гудят. Говорят, городская-то не только языком
чесать умеет.

— Это только начало, Степаныч.

Столовая встретила меня гулом голосов и запахом свеже-
го хлеба. Люська — женщина,

чьи габариты внушали почтение даже бетонным перекры-
тиям, — стояла за раздачей,

как капитан на мостике линкора.

— А, Вильмор! — зычно крикнула она, заведя меня. —
Иди сюда, егоза. Мирослав

сказал, тебя кормить надо усиленно, а то в комбинезоне
потеряешься.

Она выставила на прилавок увесистый пакет. — Тут пи-

рожки с капустой, яйца

вареные и термос. И не вздумай худеть, у нас тут не поди-
ум, тут масса

нужна, чтоб ветром от элеватора не унесло.

— Спасибо, Люся, — я взяла пакет, чувствуя, какой он
тяжелый. — А Мирослав

Николаевич... он часто дает такие распоряжения?

Люська прищурилась, и в её глазах промелькнула чисто
женская хитринка. —

Николаич-то? Он обычно распоряжается, чтоб солярку
привезли да запчасти.

А чтоб бабу кормить... Это ты, девка, видать, в какую-то
его важную шестеренку

попала. Смотри только, не обломай зубья. Он у нас мужик
цельный, литой.

Я вышла из столовой с пылающими ушами. «В шестерен-
ку попала». Боже, Зоя, тебе

сорок, у тебя сын в университете и муж-подлец, а ты крас-
неешь от слов

поварихи.

Рабочий день закрутил меня в привычном ритме. Мои девчонки — Валя и бригада —

уже вовсю штурмовали второй блок. Мы отмывали ленты транспортеров, вычищали

лотки и приемки. Работа была адская, но в ней было что-то терапевтическое.

Когда ты оттираешь слой застарелого жира и пыли, ты словно очищаешь

собственную душу.

К полудню к элеватору подкатил знакомый «Патриот». Мирослав вышел из машины,

поправляя кепку. Он выглядел уставшим, лицо было припорошено землей, но

глаза блестели.

— Привал, комиссия! — крикнул он, подходя к нам. — Хватит пылесосы мучить.

Он кивнул моим девчонкам, и те, радостно щебеча, потянулись к микроавтобусу —

обедать. Я осталась стоять у входа, вытирая руки влажной салфеткой.

— Ну что, Вильмор? — он подошел вплотную. — Люську видела? Тормозок цел?

— Цел. Спасибо. Не стоило так беспокоиться.

— Стоило, — он вдруг протянул руку и забрал у меня салфетку, сам вытирая темное

пятно у меня на лбу. — Ты когда злишься, у тебя ноздри раздуваются. Смешно так.

— Я не злюсь. Я работаю.

— Поехали, — он мотнул головой в сторону машины.

— Куда? У меня еще три пролета не зачищены.

— Машину твою забирать. Механики её подшаманили. Колесо заменили, поддон

выпрямили. Можешь теперь на своем белом коне хоть до Парижа скакать.

Сердце предательски ухнуло вниз. Машина готова. Значит, у меня больше нет повода

здесь задерживаться, кроме профессиональных обязанностей.

Мы ехали к ремзоне в тишине. Я смотрела на его руки на руле — широкие, с

короткими ногтями, в трещинках от работы. Совсем не похожи на холеные

пальцы Владимира, которые никогда не поднимали ничего тяжелее шахматного

коня.

Мой «Лексус» стоял в боксе, чистый и до неприличия неуместный среди тракторных

двигателей и куч металлолома.

— Забирай, — Мирослав протянул мне ключи. На брелке висел новый сувенир —

крошечный латунный колосок.

— Откуда это? — я взяла ключи, стараясь не коснуться его пальцев.

— Механики наши развлекались. Мол, чтоб городская нас не забывала, — он

отвернулся, пряча глаза. — Ну что, Вильмор? Поедешь в город? Счета

разблокировать, с мужем бодаться?

Я посмотрела на свою машину. Красивая, статусная ко-

робка из металла и кожи. Там,

в городе, я была «женой гроссмейстера Вильмора». А здесь я была женщиной,

которая может отмыть даже самый грязный элеватор.

— Нет, — сказала я тихо. — Я не закончила работу. В договоре написано — полная

зачистка комплекса. Я не привыкла бросать партию на середине.

Мирослав резко обернулся. В его взгляде вспыхнуло что-то, похожее на триумф. —

Смотри, Зоя. Тут условия не для принцесс.

— Я не принцесса. Я Вильмор. Помнишь? Усадьба, корни, вот это всё.

Он подошел ближе. Между нами остался какой-то жалкий дециметр воздуха,

наэлектризованный так, что волосы на затылке встали дыбом.

— Помню, — прошептал он. — И фамилию твою помню. И как ты босиком по бетону шла.

В этот момент у меня в кармане раздался звонок. Громкий, навязчивый. Никита.

Я отшатнулась, чувствуя, как реальность бьет под дых. — Да, сынок?

— Мам... — голос сына звучал потерянно. — Слушай, тут такое дело. Папа... он

забрал мои документы из университета. Сказал, что переводит меня в Вену, в

академию какую-то. Мол, это шанс всей жизни.

— Что?! — я задохнулась от ярости. — Он не имеет права! Тебе девятнадцать!

— Он сказал, что он спонсор моего обучения и что ты всё равно скоро будешь

банкротом под фамилией Хрусталева. Мам, я не хочу в Вену. Я хочу, чтоб ты

вернулась. Вера тут... она выбросила твою коллекцию орхидей. Сказала, что от

них пыль.

Я сжала телефон так, что пластик скрипнул. Мирослав стоял рядом, он слышал

каждое слово. Его лицо потемнело, превратившись в грозовую тучу.

— Никита, послушай меня, — я старалась, чтобы голос не дрожал. — Никуда не

уезжай. Спрячь паспорт. Я скоро буду. Не завтра, но скоро. Я решу этот

вопрос.

— Мам, он говорит, ты там с ума сошла. Что ты в навозе копаешься. Это правда?

— Нет, Никита. Я здесь... я здесь вспоминаю, кто я такая на самом деле.

Я положила трубку и посмотрела на Мирослава. — Он забирает у меня сына. Опять.

Играет в свои чертовы шахматы.

Минаев молча подошел к верстаку, взял тяжелый разводной ключ и с силой бросил

его в ящик. Грохот металла о металл прозвучал как выстрел.

— Значит так, — он обернулся ко мне. — Твой хлыщ думает, что он самый умный,

потому что умеет фигурки двигать. Но он не знает одного. В поле правила

другие.

— Какие?

— Если на твою землю пришел чужак и пытается забрать твоё — ты берёшь вилы и

идёшь защищаться.

Он шагнул ко мне и вдруг обнял. Грубо, сильно, притиснув к своей жесткой куртке.

Я замерла, уткнувшись носом в его плечо. Пахло ветром, соляжкой и надёжностью.

Такой, которой у меня не было все двадцать лет брака.

— Не реви, — буркнул он мне в макушку. — Мы его сделаем, Снегурочка. Ты отмоешь

свой элеватор, получишь деньги и вернешь своего пацана. А если этот

Вильмор-недоделок сюда сунется — я лично его в силосной яме запру.

Пусть там в свои шахматы с крысами играет.

Я всхлипнула, но не от горя, а от какого-то дикого, хмельного облегчения. — Он

хочет, чтоб я была Хрустальной.

— А по мне — так ты самая настоящая Вильмор, — Мирослав отстранился и посмотрел

мне прямо в глаза. — Злая, гордая и красивая. Иди работай. Нам еще завтра

семена принимать.

Я села в свой «Лексус», завела мотор. Машина работала идеально. Но я не поехала

к трассе. Я развернулась и поехала обратно к элеватору. Потому что Мирослав был прав. В поле правила другие. И мой следующий ход

Владимиру очень не понравится.

Я вышла из машины у весовой, натянула респиратор и посмотрела на сияющую Валю. —

Девчонки! Отменяем перерыв! Мы должны закончить этот блок сегодня. У нас большая

стирка. Мы будем вымывать из этой жизни одного очень заносчивого грессмейстера.

Валя ухмыльнулась, поправляя косынку. — Ну наконец-то, Николаевна. А то я уж

думала, ты так и будешь рефлексировать. По коням! В смысле — по пылесосам!

Гул техники заглушил все мои страхи. Я работала до темноты, пока руки не

перестали слушаться. Но когда я вечером шла к гостинице, я чувствовала

под ногами не грязь, а опору.

Мат в один ход, говоришь, Володя? Нет. Это затяжная осада. И у меня теперь есть

тяжелая артиллерия.

Я посмотрела на окна кабинета Мирослава. Там горел свет. Он был там. Он ждал. И

это было самое важное открытие моего сорокового года жизни.

Глава10

Утро в агрокомплексе «Минаев-Агро» пахло не кофе и круассанами, как мой

привычный мир за последние двадцать лет, а парным молоком, мокрой пылью

и победой.

Я стояла на крыльце гостиницы, затягивая пояс рабочего комбинезона так туго,

словно это были латы. Мой «Лексус» сиял чистотой в боксе ремзоны, готовый

сорваться в город по первому требованию, но ключи в моем кармане с латунным

колоском тянули вниз, напоминая: партия не доиграна. Владимир ждал, что я

приползу. А я собиралась сделать так, чтобы он сам начал искать пятый угол

в нашем стерильном пентхаусе.

— Ну что, девчата, — я обернулась к своей бригаде. Валя и девчонки уже стояли

наготове, вооруженные швабрами и парогенераторами. — Элеватор мы взяли.

Сегодня штурмуем цитадель.

— Это какую же, Николаевна? — Валя поправила косынку, азартно блеснув глазами.

— Офис администрации. И кабинет самого Мирослава Николаевича.

— О-о-о, — загудели девчонки. — Там же, поди, черт ногу сломит. Генка говорил, у

них в бухгалтерии папки с девяностых не перекладывали.

— Вот и проверим.

Административный блок встретил нас тишиной и запахом старой бумаги, который врос

в стены намертво. На первом этаже, за дверью с табличкой «Главный бухгалтер»,

послышался суровый кашель.

Я толкнула дверь. За огромным столом, погребенная под горами отчетов и папок,

сидела женщина неопределенного возраста. Массивная оправа очков, начес,

который мог бы выдержать попадание метеорита, и взгляд инквизитора. Это

была Антонина — местная царица цифр. Не путать с моей свекровью, та была

«аристократией», а эта — «силой закона и сальдо».

— Вы кто еще такие? — Антонина подняла глаза от монитора. — У меня квартальный

на носу, а вы тут со своими ведрами. Уходите, не до вас!

— Мы клининговая компания «Вильмор-Блеск», — я прошла в центр кабинета,

профессиональным взглядом оценивая масштаб катастрофы. На подоконнике

слой пыли такой, что на нем можно сажать картошку. На шкафах — сталактиты из

паутины. — У нас контракт на полную зачистку помещений.

— Вильмор? — Антонина фыркнула. — Слыхала. Город-

ские пижоны. Вы мне тут все

документы перепутаете! У меня тут система! Порядок!

Я подошла к шкафу, на котором папки стояли так криво, что казалось — они

держатся только на честном слове и многолетнем слое грязи.

— Система — это когда вы можете найти документ за десять секунд, Антонина

Ивановна, — я улыбнулась своей самой «директорской» улыбкой. — А когда у

вас на принтере слой жира, в котором можно жарить котлеты — это хаос. Девчонки,

начинаем со шкафов. Папки не перемешивать, только протирать и ставить по

алфавиту.

— Да я вас... да я Мирославу пожелаюсь! — Антонина вскочила, но Валя уже ловко

орудовала микрофиброй прямо у неё под носом.

— Жалуйтесь, — я кивнула. — А пока вы жалуетесь, мы

вымоем окна. Вы же не видели

солнца с прошлого урожая, верно?

Через час кабинет бухгалтерии преобразился. Стекла засияли, пропуская утренний

свет, который выявил истинный цвет линолеума — оказывается, он был не

коричневым, а светло-серым. Антонина сначала ворчала, потом притихла, а

когда я лично оттерла её любимую кружку от векового чайного налета, она вдруг

шмыгнула носом.

— Надо же... — пробормотала она, глядя на свое отражение в полированной

поверхности стола. — А я и забыла, что он такой красивый. Муж покойный

дарил...

— Чистота возвращает память, Антонина Ивановна, — я положила руку ей на плечо. —

Мы закончим через полчаса.

Оставив девчонок в бухгалтерии, я направилась на второй этаж. Кабинет Мирослава

был в самом конце коридора.

Я вошла без стука.

Здесь пахло так же, как в его машине: табаком, кожей и полом. Огромный дубовый

стол был завален чертежами, деталями от какого-то механизма и пустой тарой

из-под крепкого чая. На стене висела карта полей, испещренная пометками.

Мирослава не было.

Я не стала ждать. Сняла перчатки, закатала рукава комбинезона и принялась за

работу. Это было странное чувство — убирать в его пространстве. Это было

интимнее, чем любой разговор. Я перекладывала его бумаги, стараясь сохранить

порядок, протирала массивную пепельницу, чистила монитор компьютера.

На краю стола я заметила небольшую фотографию в простой деревянной рамке. С неё

на меня смотрела красивая женщина с печальными глазами — покойная жена Мирослава. Она

была совсем не похожа на меня. Мягкая, какая-то прозрачная.

— Что, Вильмор, решила и здесь свои порядки навести? — голос Мирослава раздался

от двери.

Я вздрогнула и выпрямилась. Он стоял в проеме, привалившись плечом к косяку.

Лицо усталое, на лбу темная полоса от мазута, но глаза смотрели с тем самым

интересом, от которого у меня в животе начинали порхать бабочки — старые,

сорокалетние, но очень настойчивые.

— Я выполняю условия контракта, — я показала на чистую поверхность стола. —

Теперь вы хотя бы видите, что подписываете.

Он подошел ближе, заглядывая мне в лицо. — Ты и в бухгалтерии побывала. Антонина

сидит ни жива ни мертва, говорит, «городская ведьма ок-на наколдовала».

— Просто я умею работать, Мирослав.

Он молча взял со стола ту самую рамку с фото, провел пальцем по чистому стеклу.

— Она любила, когда чисто. Только сама не успевала. Всё со мной, на полях... —

он поставил фото обратно и вдруг посмотрел на меня в упор. — Спасибо, Зоя.

Я почувствовала, как горло перехватило. — Мирослав... мне звонил Владимир. Он

хочет забрать Никиту в Вену. Пытается лишить меня всего, даже сына.

Минаев медленно кивнул. Он не стал охать или сочувствовать. Он просто подошел к

сейфу, открыл его и достал увесистую пачку денег, перетянутую резинкой.

— Это что? — я нахмурилась.

— Аванс за элеватор и зачистку офиса. Наличные. Как ты

просила, — он положил

деньги на стол. — Здесь хватит на хорошего адвоката. И на то, чтобы твой

«шахматист» подавился своими исками.

Я смотрела на деньги, не решаясь их взять. — Но мы еще не закончили...

— Ты закончила главное, Вильмор. Ты показала, что у тебя есть хребет. А теперь

слушай меня. Если он думает, что ты Хрусталева — пусть думает. Хрусталь ведь

он какой? Он красивый, прозрачный, но если его разбить — он превращается в

тысячи острых осколков. Каждый из которых может перерезать горло.

Я невольно улыбнулась. Юмор Мирослава был под стать его технике — тяжелый и

эффективный.

— Значит, я — осколок?

— Ты — стихия, Зоя, — он шагнул ко мне, сокращая дистанцию до опасного предела.

— И если ты решишь остаться и воевать — я буду рядом. Не как спонсор. А как

тот, кто прикроет тыл, пока ты будешь ставить своему гроссмейстеру мат.

Я чувствовала жар, исходящий от него. Запах поля, мазута и честности. В этот

момент я поняла, что Владимир Вильмор проиграл не тогда, когда я уехала. Он

проиграл тогда, когда решил, что чистота — это слабость. Я взяла деньги. — Я принимаю аванс, Мирослав Николаевич. И я принимаю вызов.

— Вот и молодец, — он вдруг протянул руку и легонько щелкнул меня по носу. — А

теперь иди обедай. Люська сегодня пироги с мясом затеяла. Кто не успеет —

тот... сам знаешь кто.

Я вышла из кабинета с высоко поднятой головой. Деньги жгли карман комбинезона,

но сердце грело совсем другое — признание этого суро-

вого мужчины.

Я спустилась вниз. Мои девчонки уже заканчивали в холле. Всё здание

администрации теперь сияло. Оно больше не выглядело как руина, оно

выглядело как штаб.

Я вышла на крыльцо и посмотрела на небо. Оно было высоким, синим, бесконечным.

Где-то там, в городе, Владимир передвигал свои лакированные фигурки.

А здесь, на земле Вильморов, я начинала свою партию.

Я достала телефон и удалила последний контакт, который связывал меня с прошлым —

номер свекрови. Мне больше не нужны были посредники.

— По коням, девчата! — крикнула я своей бригаде. — Завтра мы моем лабораторию. И

пусть только кто-нибудь попробует сказать, что Вильморы — это только буквы на

бумаге!

Валя рассмеялась, закидывая пылесос в багажник: — Ну,

Николаевна, ты сегодня

прям как танк!

— Нет, Валя, — я посмотрела на проезжающий мимо трактор Мирослава. — Я сегодня

как «Джон Дир». Иду по своей борозде.

Это был финал моего первого этапа. Блокировка в городе больше не пугала. Имя

«Хрусталева» больше не казалось клеймом. Это было лишь временное прикрытие

для той, что готова была разнести в щепки весь фальшивый мир шахматного

короля.

Я — Зоя Вильмор. И я дома.

Глава 11

Элеватор вблизи — это не просто здание. Это лязгающее, вибрирующее чудовище,

которое дышит пылью и пахнет вековым спокойствием перегретого зерна.

Поднимаясь по узкой железной лестнице на тридцатиметровую высоту, я

чувствовала каждый пролет своими бедрами. Сорок лет — это когда ты еще

можешь взлететь на пятый этаж без одышки, но тридцатый метр промышленной

громады заставляет тебя вспомнить все грехи, включая лишнее пирожное на

прошлый Новый год.

— Николаевна, не смотри вниз! — крикнула снизу Валя.
— Там не Париж, там только

наши сапоги в навозе!

Я и не смотрела. Я смотрела на стекло операторской рубки, которое за годы

отсутствия нормального клининга превратилось в матовую стену из

спрессованной пыли и копоти. Моя задача на сегодня была проста и

безумна одновременно: вернуть этому «глазу» способность видеть.

Ведро с раствором концентрата крепилось к моему поясу карабином. В руках —

профессиональный склиз и шубка. Я закрепила страховочный трос, как учили

на курсах промышленного альпинизма пять лет назад (кто бы знал, что директор

будет применять это на практике не для контроля, а для выживания), и сделала

первый мазок.

Химия жадно вгрызлась в грязь. Под слоем серого налета обнаружилось чистое,

прозрачное стекло. Это было похоже на то, как если бы я стирала катаракту с

глаза великана.

— Ну вот, — прошептала я, чувствуя, как ветер на высоте треплет мои волосы,

выбившиеся из-под косынки. — Теперь мы посмотрим, что тут у нас происходит.

Я работала методично. Взмах — и грязь стекает черными слезами. Взмах — и

появляется блик солнца. Внизу, на бетонной площадке, сновали люди,

техника казалась игрушечной, а бескрайние поля Минаева уходили за

горизонт, переливаясь всеми оттенками золота и охры.

Я остановилась, чтобы перевести дух, и мой взгляд упал на загон рядом с

ветеринарным блоком. Отсюда, сверху, всё было как на ладони.

Там был Мирослав.

Он не видел меня. Он вообще сейчас мало что видел, кроме маленького, рыжего

пятна у своих ног. Теленок. Совсем крошечный, видимо, только что родившийся

или приболевший. Малыш качался на тонких, нелепых ногах, отказываясь идти.

Я замерла, прижавшись щекой к холодному стеклу.

Мирослав не стал его подгонять. Он не кричал и не звал подмогу. Он просто присел

на корточки, что-то тихо сказал — я почти видела, как шевелятся его губы, — а

потом легко, одним мощным движением подхватил теленка на руки. Огромный

мужчина в замасленной куртке нес это хрупкое создание так бережно, словно

это была величайшая драгоценность в мире. Теленок ткнулся мордой ему в плечо, и

Мирослав на секунду прижался щекой к его голове. В груди что-то болезненно сладко екнуло.

Владимир никогда бы так не сделал. Он бы вызвал специалиста, просчитал логистику

доставки животного и записал бы это в графу «убытки». В мире моего мужа не было

места для такой нерациональной, тихой нежности.

А Мирослав... он просто нес жизнь.

Я поспешно отвернулась и с удвоенной энергией принялась тереть стекло. Нельзя.

Нельзя очаровываться. Это просто гормоны, стресс и свежий воздух. Я здесь по

делу.

— Зоя Николаевна! — Рация на моем плече ожила голосом Степаныча. — Николаич

спрашивает, ты там не уснула на верхотуре? Спускайся, обед привезли. Люська

грозится твою порцию Генке отдать, а тот и рад стараться. — Спускаюсь, — выдохнула я в микрофон.

Когда я через десять минут спрыгнула с последней ступеньки на твердую землю,

ноги мелко дрожали. Пыль забила в складки комбинезона, лицо горело от

солнца и ветра. Я чувствовала себя так, будто меня пропустили через

центрифугу, но при этом... я была живой. По-настоящему. Каждая клеточка

тела вибрировала от усталости, которая была слаще любого отдыха в спа-салоне.

Мирослав стоял у своей машины, прислонившись к капоту. Он уже успел сменить

куртку, но на щеке остался небольшой мазок — видимо, от того самого

теленка.

— Ну что, Снегурочка? — Он окинул меня взглядом. — Окна теперь блестят так, что

вороны об них клювы ломают. Степаныч говорит, ты там как заправский паук по

стенам бегала.

— Это называется промышленный клининг, Мирослав

Николаевич, — я вытерла руки

влажной салфеткой, стараясь не смотреть ему в глаза. —
Теперь операторы

увидят, сколько зерна они просыпают мимо лотка. Можете вычитать это из их

премий и добавлять к моему гонорару.

Он усмехнулся — коротко, одними уголками губ. — Ишь, какая деловая. Садись, в

столовую подброшу. А то ноги у тебя, я смотрю, как у того теленка — ходуном

ходят.

— Видели. — я не удержалась.

Он на мгновение замер, потом кивнул, открывая мне дверь «Патриота». — Видела,

значит. Помер бы он без мамки, если б в загоне оставили. Пришлось в тепло

тащить. Земля, Зоя, она слабаков не любит, но и без жалости к ней подходить

нельзя. Засохнет.

Я села в машину, чувствуя, как в салоне мгновенно стало тесно от его

присутствия. — У вас тут всё так... — я подбирала слово.

—

Прямолинейно. Если хочешь жить — дыши. Если хочешь есть — паши. Если

упал — вставай.

— А у вас в городе разве не так? — Он завел мотор.

— У нас сложнее. У нас если упал, тебе сначала объяснят, что ты сделал это не по

регламенту, а потом предложат купить курс по правильному падению.

Мирослав рассмеялся — громко, искренне. Этот смех был похож на рокот грома

где-то далеко в поле. — Ну, ты выдала. «По регламенту»... Слушай, Вильмор. Я

тут подумал. У нас в субботу праздник урожая. Небольшой такой, для своих.

Музыка, костры, мясо на углях. Твои девчата приглашены официально. Валя

уже вчера у Генки выпрашивала, есть ли у нас в селе холостые механизаторы.

— Валя зря время не теряет, — я улыбнулась. — А я? Я тоже «официально»?

Он притормозил перед столовой и повернулся ко мне. Его взгляд стал тяжелым,

почти осязаемым. Он медленно протянул руку и убрал прядь волос, прилипшую к

моему виску. — А тебя я приглашаю лично. Без регламента. Просто... приди. В своем

этом платье зеленом, которое ты вчера в номере бросила. Оно тебе идет.

Мое сердце пропустило удар. — Откуда вы знаете, что я его бросила?

— Степаныч донес, — подмигнул он. — Ладно, иди ешь. А то вон Валя уже на котлеты

Геннадия покушается.

Я вышла из машины, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Развод в сорок — это

когда ты думаешь, что твоя книга закрыта. Но внезапно оказывается, что ты

просто перевернула страницу, а там — огромный, пахнущий полем и мужской

силой мир, в котором тебя приглашают на танец.

Я зашла в столовую, и запах щей показался мне самым изысканным парфюмом в мире.

— Николаевна! — замахала мне Валя. — Садись быстрее! Тут Люська такие зразы

выдала — ум отъешь! И гляди, Генка-то наш, оказывается, в молодости на

баяне играл! Обещал в субботу жару дать!

Я села за стол, взяла вилку и поймала себя на том, что улыбаюсь. Просто так.

Мат тебе, Владимир Вильмор. Ты отобрал у меня счета и квартиру, но ты подарил

мне небо над элеватором и мужчину, который носит телят на руках.

И знаешь что? Кажется, я в выигрыше.

Глава12(Мирослав)

(от лица Мирослава)

Дизель под капотом «Патриота» урчал утробно и сыто, как кот, сожравший ведро

сметаны. Я припарковался у края поля, не заглушая мотор, и просто смотрел на

закат. Красиво, черт возьми. Если бы я был поэтом, я бы что-нибудь там срифмовал

про медь и чернозем, но я аграрий. Для меня этот цвет означал одно: земля

прогрелась, влага уходит, надо шевелиться.

В бардачке валялась пачка «Беломора» — держу для механиков, сам-то давно

завязал, — но сейчас почему-то нестерпимо захотелось закурить. Чтобы дым,

горечь и ни одной лишней мысли в голове.

А мыслей было много. И все они, как назло, носили фамилию Вильмор.

— Ну и зачем ты её притащил, Николаич? — спросил я сам себя, хлопая ладонью по

рулю. — Сидела бы она в своем городе, пила бы свой латте на соевом молоке.

Но я знал зачем. Когда я увидел её там, в колее, мокрую, злую, в этом нелепом

платье за сотни тысяч, у меня внутри что-то щелкнуло. Как старое реле в

тракторе. Она не плакала. Любая другая на её месте уже бы заполнила салон

«Лексуса» соплями и требованиями вызвать эвакуатор из Москвы, а эта... Эта стояла

босая в грязи и смотрела на меня так, будто это я виноват в том, что у неё жизнь

по швам трещит.

Я вспомнил, как сегодня тащил теленка. Рыжий, бестолковый, морда в молоке. Я

спиной чувствовал её взгляд с верхотуры элеватора. Она замерла там, на

тридцатиметровой высоте, прицепившись к лестнице, как яркая синяя птица.

Тонкие щиколотки, упрямый подбородок. Я тогда специально не обернулся. Знал:

если посмотрю — выдам себя.

Выдам то, что мне нравится, как она командует. Нравится, как она построила моих

мужиков. Генка — мой лучший бригадир, который матом может остановить лесной

пожар — сегодня утром ходил по мехдвору на цыпочках.
— Николаич, — прошептал он мне, когда я принимал отчет по солярке. — Ты скажи

своим... Вильморам... пусть они в каптерку не заходят. У нас там... ну,

интимная обстановка. Натюрморт из воблы и пустых бутылок. А эта главная,

Зоя Николаевна, она же на нас как на микробов смотрит. Глазом сверкнет — и

всё, хочется мыться бежать. Прямо в комбинезоне.

Я тогда только поржал. Но Генка прав. Зоя Николаевна Вильмор привезла сюда не

просто швабры. Она привезла запах другой жизни. Жизни, где всё по линейке,

где нет места хаосу и где за каждое слово нужно отвечать.

Я заехал на базу, когда уже стемнело. Окна администрации сияли так, будто там

открыли ювелирный салон. Даже старая вывеска над входом, которую я лет пять

собирался подкрасить, выглядела подозрительно чистой.

— Степаныч! — крикнул я, выходя из машины. — Живые есть?

Старик вынырнул из темноты, довольно потирая руки. — Николаич, ты не поверишь.

Пятый номер, где Вильморша живет, пахнет лимоном. Лимоном, понимаешь? У меня

там отродясь ничем, кроме нафталина и старых валенок, не пахло. А девки её...

Ух, огонь-бабы! Валя-бригадирша мне сегодня забор в два счета отмыла. Сказала:

«Дед, у тебя тут антисанитария, микробы в штанах заведутся».

Я усмехнулся. — А сама Зоя где?

— В столовую пошла. Люська ей там какой-то спецпак выделила. Мол, «городскую

надо откармливать, а то за шваброй не видно».

Я направился к столовой. Ноги сами несли. Внутри было тепло и шумно.

Механизаторы после смены ужинали, гул стоял, как в улье. И среди

этого камуфляжа и промасленных роб — она.

Зоя сидела у окна. Волосы собраны в небрежный пучок, на щеке — небольшая

царапина, видимо, об элеватор задела. Перед ней — тарелка с горой

пирожков. Она ела их так сосредоточенно, будто это была самая важная

бизнес-задача в её жизни.

Я подошел сзади, стараясь не шуметь. — Приятного аппетита, Вильмор. Не боишься,

что в платье не влезешь? Люська на дрожжах не экономит. Она вздрогнула, обернулась. Глаза усталые, но в них — тот самый огонек. — Влезу,

Мирослав Николаевич. Моя работа сжигает калории быстрее, чем ваша столовая их

производит. Садитесь. Будете пирожок? Люся сказала, они «мужские», с мясом и

перцем.

Я присел напротив. Пирожок был горячим и чертовски вкусным. — Слышал, ты сегодня

Генку до икоты довела. Он теперь боится в мазуте к весам подходить.

— Порядок — это не страх, Мирослав. Это гигиена процесса. Если у вас весы в

грязи, они врут. А если они врут — вы теряете деньги. Гроссмейстер Вильмор

всегда говорил: «Ошибка в один миллиметр в начале ведёт к мату в конце».

Я поморщился при упоминании её мужа. — Твой гроссмейстер, судя по всему, в людях

ошибается чаще, чем в миллиметрах. Раз такую женщину отпустил.

Зоя замерла. Пирожок завис на полпути. — Он меня не отпускал, Мирослав. Он

меня... списал. Как старый инвентарь. Знаете, шахматисты — они ведь не любят

лишние фигуры на доске. Если пешка не стала ферзем вовремя, её убирают в

коробку.

— Пешка, значит? — Я посмотрел на её руки. Тонкие, но сильные. — По-моему, ты ни

разу не пешка, Зоя. Ты — ладья. Идешь напролом, сметая всё на пути. Только

вот... — я помедлил. — Ты всё время оглядываешься. Ждешь, что он позвонит?

Что скажет: «Извини, я передумал, возвращайся чистить мои шахматы»?

Она опустила глаза. Длинные ресницы дрогнули. — Нет. Я жду, когда он поймет, что

Вильмор — это не он. Это я.

Я вдруг почувствовал такую ярость на этого городского павлина, что кулаки сами

собой сжались под столом. Он украл у неё имя, украл веру в себя, а она сидит

тут, в моей столовой, ест копеечные пирожки и думает о справедливости.

— Знаешь, что я тебе скажу, Снегурочка? — я подался вперед. — Справедливости

нет. Есть только результат. Ты вычистишь этот элеватор. Получишь деньги. И

купишь себе новую жизнь. А фамилия... Фамилия — это просто буквы. Главное —

кто их пишет.

— Вы философ, Мирослав Николаевич? — Она слабо

улыбнулась.

— Я тракторист, Зоя. А у трактористов всё просто: если плуг затупился — его

точат. Если земля сухая — её поливают. Если баба красивая и грустная — её

нужно накормить и... — я осекся.

— И что? — В её глазах промелькнул вызов.

— И заставить её смеяться. Хотя бы раз в день.

Я встал. — Завтра в семь утра жду у гаражей. Поедем на дальний склад. Там,

говорят, крысы размером с твоих собак в пентхаусе. Покажешь им свой

«Вильмор-Блеск».

— Я боюсь крыс, Мирослав, — призналась она, и в этом было столько искренности,

что мне захотелось её обнять.

— Со мной — не бойся. Я для них страшнее любого яда.

Я вышел на улицу, вдыхая прохладный ночной воздух. Сердце колотилось где-то в

горле. «Дурак ты, Николаич, — подумал я. — Влюбился,

как пацан. В городскую

фифу с железным характером».

Я посмотрел на луну. Она висела над элеватором, как огромная головка сыра.

Где-то там, в Вене, Владимир Вильмор разыгрывал свою партию. Но он не знал,

что здесь, в «Минаев-Агро», правила игры изменились.

Потому что здесь ферзи не сдаются. Они надевают резиновые сапоги и идут в бой. И

я буду тем, кто подаст ей меч. Или швабру. Смотря что понадобится в следующем

раунде.

Мат тебе, Вильмор. Твоя жена пахнет лимоном и силой. А ты... ты пахнешь только

пылью своих старых побед.

Глава13

Железная кровать в пятом номере издала протяжный, страдальческий стон, когда я

попыталась перевернуться на левый бок. Каждая мышца заявляла о своем

существовании отдельной порцией тупой, пульсирующей боли. Казалось,

вчера я не элеватор инспектировала, а в одиночку разгружала эшелон с углем.

Я лежала, глядя в темноту потолка, где тусклый свет уличного фонаря выхватывал

пятно от старой протечки, похожее на очертания Австралии. В голове крутился

запах лимонного воска и тяжелый, уверенный взгляд Мирослава. «Не из нашего

теста», — сказал Степаныч. А я чувствовала, что моё «городское» тесто здесь,

в этой глуши, наконец-то начало пропекаться, обретая твердую корку.

Тишину комнаты вспорола резкая, издевательская трель телефона. Экран на тумбочке

вспыхнул, ослепляя. «Никита».

Сердце привычно сжалось. Мать внутри меня мгновенно проснулась, готовая бежать,

спасать и закрывать собой амбразуры, но тело лишь глухо отозвалось стоном боли.

— Да, Никит? Что-то случилось? — я прижала трубку к уху, стараясь, чтобы голос

не звучал слишком зашпанным.

— Мам, это просто жесть! — голос сына вибрировал от праведного негодования. — У

нас в квартире настоящий свинарник! Вера притащила какого-то щенка,

джек-рассела. Он мелкий, орет всю ночь и уже успел сожрать папины

туфли. Те самые, из крокодила, в которых он на турниры ездит!

Я невольно улыбнулась, представив лицо Владимира при виде обглоданных

«крокодилов».

— И что ты хочешь от меня, сынок? Ч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.